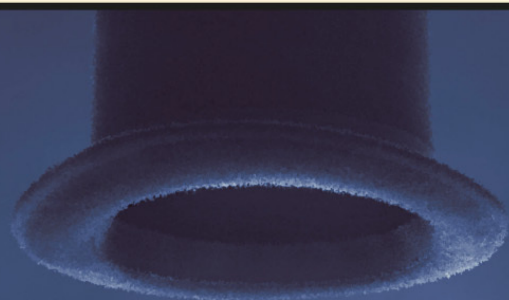

ЭДОГАВА
РАМПО

*Волшебные
чары луны*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Эдогава Рампо

Волшебные чары луны

«Азбука-Аттикус»

1925, 1926, 1928, 1929, 1931, 1932, 1934, 1954

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Рампо Э.

Волшебные чары луны / Э. Рампо — «Азбука-Аттикус», 1925,
1926, 1928, 1929, 1931, 1932, 1934, 1954

ISBN 978-5-389-21936-6

Эдогава Рампо (настоящее имя Таро Хираи) – основоположник детективного жанра в японской литературе XX века, перенесший лучшие приемы классиков этого направления (Эдгара По, Конан Дойла, Агаты Кристи) на национальную почву. Как и у Эдгара По, благодаря которому появился литературный псевдоним писателя, у Эдогавы Рампо есть произведения, где находится место иррациональному и ужасному. Таковы рассказы «Волшебные чары луны», «Человек-кресло» и другие. Главное действующее лицо многих произведений автора, детектив Когоро Акэти, так определил основной метод, помогающий ему в работе: «Чтобы раскрыть преступление, не нужно головоломных загадок и хитроумных машин... надо уметь придумать вопрос». Этот, казалось бы, нехитрый способ сделал знаменитыми многих литературных сыщиков вместе с их создателями, и мы смело можем добавить в этот ряд Когоро Акэти и Эдогаву Рампо.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-21936-6

© Рампо Э., 1925, 1926, 1928, 1929,
1931, 1932, 1934, 1954
© Азбука-Аттикус, 1925, 1926, 1928,
1929, 1931, 1932, 1934, 1954

Содержание

Повести	6
Чудовище во мраке	6
1	6
2	8
3	14
4	18
5	21
6	23
7	26
8	29
9	32
10	38
11	43
12	48
Дьявол	51
Кисть руки	51
Загадочный труп	53
Алиби	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Эдогава Рампо

Волшебные чары луны

© Г. Б. Дуткина, состав, перевод, 1989, 2003

© Т. И. Редько-Добровольская, перевод, 2003

© В. В. Скальник, перевод, 1990, 1992

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020 Издательство АЗБУКА®

Повести

Чудовище во мраке

1

Время от времени я размышляю вот о чем.

Мне кажется, что сочинители детективных романов делятся на две категории. Входящих в первую категорию можно условно обозначить «типом преступника» – их интересует лишь преступление – преступление как таковое, и, даже взявшись за произведение, основу которого составляет логика расследования, они не успокоятся, пока не выразят своего понимания антигуманной психологии преступника. Входящих же во вторую категорию можно условно именовать «типом детектива» – они испытывают интерес лишь к рассудочным методам раскрытия преступления, что же до психологии преступника, то она практически не становится предметом их внимания и заботы.

Так вот, писатель Сюдэй Оэ, о котором пойдет рассказ в этой повести, скорее всего, относится к первой категории, я же, пожалуй, принадлежу ко второй. Это означает, таким образом, что меня занимает исключительно научная методика раскрытия преступлений, хотя, описывая их, я, конечно, должен каждое преступление знать досконально. Однако из этого вовсе не следует, что у меня самого могут в чем-то проявляться преступные наклонности. Более того, нечасто можно встретить столь нравственного человека, как я. И то, что я, добродушный и добродетельный человек, как-то невольно оказался вовлеченным в жуткую историю, выглядит совершеннейшей нелепицей. Будь я хоть чуточку менее склонен к добродетели, будь я мало-мальски подвержен влиянию порока, мне, наверное, не пришлось бы впоследствии так горько раскаиваться, не пришлось бы до сих пор терзаться мучительными сомнениями. Более того, вполне могло статься, что сейчас я наслаждался бы безбедной, обеспеченной жизнью с красавицей-женой.

С той поры как закончилась эта страшная история, много времени утекло, и, хотя мои тягостные сомнения до сих пор не развеялись, реальность тех дней отодвинулась далеко, перейдя в область воспоминаний. И вот я решил изложить минувшие события в виде хроники, полагая, что созданная на ее основе книга может оказаться весьма интересной. Однако, доведя свои записи до конца, я все не могу отважиться издать их. Почему? Да потому, что события, связанные с таинственной смертью г-на Коямады, которые составляют важную часть моих записок, до сих пор живы в памяти людей, и поэтому, даже прибегнув к вымышленным именам и видоизменив обстановку тех дней, я не могу быть до конца уверен, что моя повесть будет воспринята всего лишь как художественный вымысел.

Вполне вероятно, что найдутся люди, которых моя книга лишит покоя. Сознание этого смущает и тяготит меня. Более того, если сказать правду, я боюсь. И дело не только в том, что события, положенные в основу повествования, были страшнее и непонятнее самых безумных фантазий. Гораздо хуже, что мои догадки, возникшие в связи с описываемыми событиями, еще и теперь вселяют в меня ужас.

Когда я задумываюсь над тем, что произошло, голубое небо у меня над головой затягивается свинцовыми тучами, в ушах раздается барабанная дробь, в глазах темнеет и весь мир начинает казаться мне призрачным и таинственным.

Вот почему у меня пока не хватает духа опубликовать свои записки, но я не оставляю надежды когда-нибудь создать на их основе детективную повесть. Так что эта моя книжица,

если можно так выразиться, не более как наброски той будущей повести, нечто вроде подробных записей на память. Я взял старый блокнот, в котором были исписаны лишь первые несколько листов, соответствующие новогодним дням, и принялся за свое писание в виде, быть может, несколько растянутых каждодневных записей.

Для начала следовало бы, забегая вперед, подробно рассказать о главном действующем лице разыгравшейся драмы, писателе Сюдэе Оэ, – о том, что он за человек, о его произведениях, наконец, о странном образе его жизни. Но дело в том, что до того происшествия, о котором пойдет речь, я не только не был знаком с ним лично, но почти не имел представления и о его жизни, хотя, разумеется, знал о нем по его книгам и даже вступал с ним в полемику на страницах журналов. Подробнее я узнал о нем лишь много позже от своего приятеля Хонды. Поэтому все, что касается Сюдэя, лучше изложить в том месте, где я буду рассказывать о своих беседах с этим Хондой. Мне кажется, будет более логичным, если я, следуя хронологии событий, начну свои записи с самого начала, с того момента, когда я оказался вовлеченным в эту жуткую историю.

Началось все это осенью прошлого года, приблизительно в середине октября.

В тот день мне захотелось посмотреть старинные буддийские скульптуры, и я отправился в Императорский музей в Уэно. Я бродил по огромным полутемным залам музея, стараясь ступать неслышно, – в этом безлюдном пространстве каждый даже негромкий звук отзывался пугающим эхом, так что не только шум собственных шагов, но и чуть слышное покашливание могло кого угодно ужасно напугать. В музее не было ни души, и тут впору было задаться вопросом: почему нынче музеи не привлекают внимания посетителей? Большие стекла витрин холодно поблескивали, на полу, покрытом линолеумом, не было ни пылинки. Во всем здании, своими высокими сводами походившем на буддийский храм, царило безмолвие, какое, вероятно, царит на дне морском.

Остановившись перед одной из витрин, я долго, словно зачарованный, рассматривал прекрасное, с налетом эротизма, старинное деревянное изваяние бодхисаттвы. Вдруг у меня за спиной послышались приглушенные шаги и едва уловимый шелест шелка – ко мне кто-то приближался.

Невольно вздрогнув, я стал наблюдать за подходившей ко мне фигурой, всматриваясь в ее отражение в стекле витрины. То была женщина в шелковом узорчатом авасэ¹, с высокой прической в виде большого овального узла. На короткий миг ее отражение в стекле совпало с изображением бодхисаттвы. Став рядом со мной, незнакомка принялась разглядывать ту же скульптуру, что так пленила меня. Неловко признаться, но я, делая вид, будто целиком поглощен рассматриванием скульптуры, не мог удержаться от того, чтобы несколько раз тайком не взглянуть на стоящую рядом женщину, настолько она сразу завладела моим вниманием.

Лицо ее было нежно-белое – такой отрадной белизны мне никогда прежде не доводилось видеть. Если на свете действительно существуют русалки, у них наверняка должна быть такая же ослепительно-белая кожа, какая была у этой женщины. Все в ней: изгиб бровей, очертания носа и рта на чуть удлиненном, как это бывает на старинных гравюрах, лице, линии шеи и плеч – все дышало удивительной хрупкостью и изяществом. Пользуясь образным выражением старых писателей, можно сказать, что весь ее облик был настолько воздушен, что казалось: дотронься до нее – и она исчезнет. По сей день я не в силах позабыть ее мечтательного взгляда из-под длинных ресниц.

Кто из нас первым нарушил молчание, я теперь уже не помню, но, по всей вероятности, то был я. Мы обменялись несколькими словами о выставленных в музее скульптурах, и это нас как-то сблизило. Мы вместе обошли музей и вышли на улицу. Я проводил ее до перекрестка,

¹ Авасэ – легкое шелковое кимоно. (Здесь и далее – примеч. ред.)

где улица Яманоути переходит в Яманосита, и на протяжении всего этого неблизкого пути мы говорили о самых разных вещах.

По мере продолжения беседы очарование ее в моих глазах все возрастало. Когда она улыбалась, на ее лице появлялось застенчиво-утонченное выражение, которое вызывало во мне то совершенно особое чувство, какое я испытывал, глядя на старинное изображение какой-нибудь святой или на Мону Лизу с ее таинственной улыбкой. Верхние боковые зубы женщины, так называемые клыки, были крупнее передних, и, когда она улыбалась, верхняя губа приподнималась над ними, образуя причудливо изогнутую линию. На белоснежной коже ее правой щеки выделялась большая родинка, которая от улыбки чуть приметно смещалась, как бы повинувшись этой изогнутой линии, что придавало лицу женщины удивительно нежное и милое выражение.

И все-таки, не заметь я на затылке этой женщины какой-то странный след, она так и осталась бы для меня просто изящной, обаятельной, утонченной красавицей, к которой достаточно прикоснуться, чтобы она исчезла, но никогда не возымела бы надо мною такой притягательной силы.

След этот был искусно, хотя, возможно, и не нарочито, прикрыт воротом одежды, и все же, идя с этой женщиной по улице, я неожиданно его заметил. То была красная полоса, идущая от затылка и, надо думать, по спине. Ее можно было с равным основанием принять и за родимое пятно, и за след от недавно сошедшего струпа. Этот знак, казалось сотканный из тончайших красных нитей на гладкой белоснежной коже ее изящно вылепленного затылка, наводил на мысль о жестокости, но при этом, как ни странно, выглядел весьма эротично. Как только я его увидел, к красоте женщины, которая до сих пор казалась мне бесплотной, точно сновидение, сразу добавилось острое ощущение живой действительности, и эта красота неудержимо влекла меня к себе.

Из разговора с женщиной я узнал, что зовут ее Сидзуко Коямада и что она замужем за коммерсантом по имени Рокуро Коямада, компаньоном в одной из солидных торговых фирм. К большой радости для себя, я выяснил, что Сидзуко принадлежит к числу поклонников детективного жанра и что мои произведения нравятся ей более других (как только я это услышал, сердце мое возликовало). Разговор о литературе невольно сблизил нас, и в этом не было ничего противоестественного. Когда наступило время с этой замечательной женщиной расставаться, я не испытал особого сожаления: благодаря счастливому совпадению наших интересов мы условились впредь время от времени обмениваться письмами.

Меня подкупил превосходный вкус этой женщины, которая, несмотря на свою молодость, любила проводить время в безлюдных музеях, и, кроме того, мне весьма импонировало, что из всей массы выходивших детективных произведений она особенно ценила мои сочинения, которые пользовались репутацией рассудочных. Короче говоря, я совершенно пленился этой женщиной и в самом деле стал частенько посылать ей ничего не значащие письма, она же отвечала мне на них любезными, по-женски учтивыми посланиями. О, каким счастьем было для меня, привыкшего к одиночеству холостяка, обрести друга в лице этой очаровательной женщины!

2

Наш обмен письмами с Сидзуко Коямадой продолжался несколько месяцев. Не могу отрицать, что со временем я не без смятения заметил, что в моих письмах появился некий затаенный смысл, да и в письмах Сидзуко (или мне только так казалось?), при всей их учтивой сдержанности, нет-нет да и прорывалась особая теплота, к которой никоим образом не обязывало случайное знакомство. Стыдно признаться, но с помощью всевозможных уловок я попытался выведать кое-что о супруге Сидзуко, г-не Рокуро Коямаде, и узнал, что он много старше Сидзуко, совершенно лыс и от этого выглядит человеком преклонного возраста.

В феврале этого года в письмах Сидзуко появилась какая-то странная нотка. Чувствовалось, что она чем-то серьезно встревожена.

«Нынче произошло событие, ужасно напугавшее меня, за всю ночь я не сомкнула глаз», – писала она в одном из своих писем, и сквозь эту немудреную фразу я увидел как наяву трепещущую от страха Сидзуку.

В другом ее письме говорилось: «Не знакомы ли Вы, мой друг, с писателем Сюдзэем Оэ, который, как и Вы, пишет детективные романы? Если Вам известно, где он живет, сообщите мне, пожалуйста».

Разумеется, я хорошо знал произведения Сюдзэя Оэ, однако знаком с писателем лично не был. Дело в том, что он слыл ужасным мизантропом и никогда не появлялся даже на писательских встречах. Кроме того, ходили слухи, что в середине прошлого года он вдруг бросил писать и переехал на другую квартиру, не сообщив никому своего нового адреса. Об этом я и известил Сидзуку, но, когда до меня дошло, что ее страхи так или иначе связаны с личностью Оэ, мной овладело смутное беспокойство, о причинах которого я расскажу позднее.

Вскоре от Сидзуко пришла открытка: «Мне нужно с Вами поговорить. Можно ли прийти к Вам?» Я смутно догадывался о содержании предстоящего разговора, но, конечно, и представить себе не мог, что дело обстоит столь серьезно, и потому радовался, как глупец, возможности вновь увидеть Сидзуку, предаваясь мысленно разного рода не вполне пристойным фантазиям.

Получив мой ответ: «Жду Вас», Сидзуку тотчас же явилась ко мне. Я вышел встретить ее в переднюю. Сидзуку была настолько удручена и подавлена, что я готов был прийти в отчаяние, а содержание нашего разговора оказалось столь необычным, что мои сумасбродные грезы сразу развеялись.

– Я не в силах справиться со своим состоянием и поэтому решила побеспокоить вас, – начала Сидзуку. – Мне показалось, что вам можно довериться... Боюсь только, что говорить по этому щекотливому делу с вами, человеком, которого я знаю так мало, не вполне удобно... – Сказав это, Сидзуку улыбнулась своею обычной улыбкой, обнажившей ее зубы и сдвинувшей с места родинку на щеке, и украдкой взглянула на меня.

Было холодно, и я придвинул к письменному столу продолговатую печурку-хибати в ящичке из красного дерева. Чинно усевшись напротив меня, она положила пальцы на край ящичка. Эти пальцы словно воплощали всю сокровенную суть этой женщины – гибкие, тонкие, изящные, они тем не менее не казались чрезмерно худыми, а их первородная белизна не производила болезненного впечатления. При всей их грации, сжатые в кулак, эти пальцы таили в себе некую упругую силу. Впрочем, не только пальцы – все тело этой женщины виделось таким.

Задумчивость Сидзуку заставила меня стать серьезным, и я произнес в ответ:

– Готов помочь вам всем, что в моих силах.

– Это действительно ужасная история, – сказала Сидзуку, как бы предваряя этим заявлением свой рассказ. Затем она поведала мне о весьма странных событиях, перемежая свое повествование воспоминаниями о своей жизни начиная с детских лет.

Рассказанное Сидзуку вкратце сводилось к тому, что родилась она в Сидзуоке и годы ее юности, вплоть до окончания местной гимназии, были вполне счастливыми.

Единственным событием, омрачившим безмятежное счастье тех лет, была встреча с неким молодым человеком по имени Итиро Хирата, который, воспользовавшись неопытностью девушки, склонил ее к любовной связи. В то время ей было восемнадцать лет. Несчастливым это событие было потому, что Сидзуку лишь играла в любовь, повинаясь мимолетному капризу своего сердца, но не испытывала к Хирате по-настоящему глубокого чувства. Между тем чувство Хираты было вполне серьезным.

Вскоре девушка стала избегать Хираты, который докучал ей своими преследованиями, что же до юноши, то его привязанность к Сидзуку все росла. И вот по ночам Сидзуку стала

замечать какую-то фигуру, которая бродила вокруг дома, а вскоре на ее имя начали приходить угрожающие письма. У восемнадцатилетней девушки были все основания опасаться возмездия за свое легкомыслие. Вид не на шутку встревоженной дочери взволновал и родителей Сидзуко.

И вот как раз в то самое время ее семью постигло несчастье, которое обернулось счастьем для самой Сидзуко. Из-за резкого колебания цен на рынке ее отец не смог расплатиться с долгами и был вынужден свернуть торговлю. Спасаясь от кредиторов, он нашел себе прибежище у одного своего приятеля в городке Хиконэ.

Столь неожиданный поворот событий заставил Сидзуко бросить учение незадолго до окончания школы, однако, с другой стороны, благодаря перемене места жительства она избежала преследований злопамятного Хираты и смогла наконец вздохнуть свободно.

Из-за свалившихся на него бед отец Сидзуко слег в постель и вскоре скончался. Оставшись вдвоем с матерью, Сидзуко влачила жалкое существование. Однако это продолжалось недолго: в скором времени к ней посватался г-н Коямада, коммерсант, уроженец тех мест, где жили теперь в полном уединении мать и дочь. То был перст судьбы.

Как-то увидев Сидзуко, Коямада горячо полюбил ее и вскоре попросил ее руки. Сидзуко не отвергла его, хотя он был старше ее лет на десять. Девушку привлекал и его благородный облик, и хорошие манеры. Предложение г-на Коямады было с готовностью принято, и вскорости Сидзуко с матерью поселилась в его токийском особняке.

С тех пор минуло семь лет. Никаких из ряда вон выходящих событий за это время в их семье не произошло, если не считать, что через три года после замужества Сидзуко скончалась ее мать, а еще через некоторое время г-н Коямада отправился по делам фирмы на два года за границу (по словам Сидзуко, вернулся он в конце позапрошлого года, а она все время, пока он отсутствовал, чтобы скрасить свое одиночество, брала уроки чайной церемонии, музыки и аранжировки цветов). Супруги хорошо ладили между собой и все эти годы были счастливы.

Г-н Коямада оказался весьма предприимчивым дельцом и за прошедшие семь лет сумел заметно приумножить свое состояние. Положение его в деловом мире было как никогда прочным.

– Стыдно признаться, но, выходя замуж за Коямаду, я утаила от него все, что касалось этого Хираты. – От стыда и затаенной печали Сидзуко потупила взор. В ее глазах под длинными ресницами блеснули слезы. Тихим голосом она продолжала: – Услышав как-то фамилию Хираты, муж что-то заподозрил, я же на все его расспросы отвечала, что никакого другого мужчины, кроме него, не знала. Одним словом, я скрыла от него правду, и это продолжается по сей день. Чем больше Коямада подозревает меня, тем искуснее мне приходится ему лгать. Человек не ведает, где подстерегает его несчастье. Страшно подумать, но ложь, сказанная мной семь лет назад, причем без всякого злого умысла, приняла столь ужасное обличье и заставляет меня так страдать сегодня. Я совершенно забыла о существовании Хираты. Настолько забыла, что, неожиданно получив от него письмо и взглянув на имя отправителя, не сразу вспомнила, кто он такой.

С этими словами Сидзуко протянула мне несколько писем Хираты. Эти письма были отданы мне на хранение и по сей день находятся у меня. Приведу первое из них, поскольку его содержание как нельзя лучше вписывается в мой рассказ.

Женщине, отринувшей мою любовь.

Сидзуко-сан, наконец-то я отыскал тебя. Ты, конечно, меня не заметила, но я, случайно встретив тебя, пошел за тобой следом и узнал, где ты живешь. Узнал и твою теперешнюю фамилию – Коямада.

Надеюсь, ты не забыла Итиро Хирату, того самого человека, который стал тебе столь ненавистен?

Тебе, бессердечная, не понять, как я страдал, когда ты меня отвергла. Сколько раз среди ночи бродил я вокруг твоего дома, не в силах унять

сердечную муку. Но чем сильнее становилась моя страсть, тем более ты охладевала ко мне. Избегала меня, боялась меня и в конце концов возненавидела меня.

Можешь ли ты понять страдальца, которого ненавидит любимый им человек? Нет нужды объяснять, что со временем мои страдания перешли в обиду, обида переросла в ненависть, а ненависть, окрепнув, породила во мне желание мстить.

Когда ты, воспользовавшись благоприятно для тебя сложившимися семейными обстоятельствами, скрылась от меня, точно беглянка, без единого слова прощания, я в течение нескольких дней не выходил из своей комнаты, не притрагивался к еде. Тогда-то я и поклялся отомстить тебе.

Но я не знал, где тебя искать. Скрываясь от кредиторов, твой отец никому не сказал, куда вы переезжаете. Я совершенно не знал, когда мне доведется тебя встретить. Но я точно знал, что впереди у меня целая жизнь, и был уверен, что когда-нибудь в этой жизни встречу тебя.

Я был беден. Мне приходилось самому добывать себе средства к существованию. И по этой причине я долго не мог начать поиски. Прошел год, потом два, дни летели со скоростью выпущенных из лука стрел, и все время я был вынужден бороться с нуждой. Уставая от этой постоянной борьбы, я, сам того не желая, забывал о нанесенной мне обиде. Все мои помыслы были направлены на то, чтобы заработать себе на пропитание.

Но вот года три назад мне неожиданно посчастливилось. На пределе отчаяния от неудач, которые я терпел во всем, за что бы ни брался, я попробовал ради развлечения написать повесть. На этом поприще мне улыбнулась удача, и я занялся литературным трудом.

Ты, как прежде, наверное, много читаешь, и я полагаю, тебе известно имя автора детективных рассказов Сюндэя Оэ. Правда, вот уже год, как он ничего не пишет, но его имя, должно быть, еще не забыто. Так вот, Сюндэй Оэ – это я.

Быть может, ты думаешь, что в погоне за дешевой славой писателя я забыл о своей обиде. О нет! Свою первую жестокую повесть я смог написать только потому, что сердце мое было исполнено ненависти. Если бы мои читатели хотя бы в малой степени отдавали себе отчет, что подозрительность, одержимость злом и жестокость, пронизывающие эту повесть, суть не что иное, как порождение не покидающей меня жажды мести, они содрогнулись бы от ужаса.

Сидзуко-сан, как только я обрел благополучие и уверенность в завтрашнем дне, я принялся – в той мере, в какой мне это позволяли средства и время, – разыскивать тебя. Разумеется, я делал это не потому, что питал бессмысленную надежду вернуть себе твою любовь. У меня уже есть жена, с которой я связал себя формально, для того лишь, чтобы избавиться от житейских хлопот. Однако для меня возлюбленная и жена отнюдь не одно и то же. Женившись, я не забыл обиды на презревшую меня возлюбленную.

И вот, Сидзуко-сан, я нашел тебя.

Меня бьет радостная дрожь. Пришло время исполнить желание, которое я лелеял долгие годы. Все это время я перебирал в уме различные способы мести, испытывая при этом радость, подобную той, какая охватывала меня, когда я находил острые сюжеты для своих произведений. И вот наконец я нашел такой способ мщения, который не только причинит тебе

невыносимое страдание, но и повергнет тебя в неописуемый ужас. Представь себе, какой восторг я испытываю от одной мысли об этом! Даже если ты решишь обратиться в полицию, тебе не удастся помешать осуществлению моего плана. Я предусмотрел все.

Около года назад газеты и журналы сообщили о моем исчезновении. Оно не имело никакого отношения к плану мщения. Причина моего бегства – склонность к мизантропии и пристрастие к таинственности. Однако теперь это обстоятельство играет мне на руку. Я укроюсь от людей еще более тщательно и затем не спеша приступлю к осуществлению своего плана.

Конечно же, тебе не терпится узнать, в чем состоит мой план. Сейчас я не могу раскрыть его тебе полностью. Ведь наилучший результат будет достигнут тогда, когда ужас охватит тебя внезапно.

Впрочем, если ты настаиваешь, я слегка приподниму завесу тайны над некоторыми деталями. Хочешь, я перечислю до мельчайших подробностей все, что ты делала у себя дома четыре дня назад, вечером тридцать первого января?

С 17:00 до 19:30 ты читала книгу, сидя за маленьким столиком в комнате, которая в вашем доме отведена под спальню. Книга, которую ты читала, была сборником рассказов Рюро Хироцу под названием «Странные глаза». Прочла ты лишь первый рассказ.

В 19:30 ты велела прислуге приготовить чай и до 19:40 выпила три чашки чая и съела две вафли с начинкой от «Фугэцу».

В 19:40 ты пошла в туалет и спустя пять минут вернулась к себе. До 21:00 ты занималась вязаньем в глубокой задумчивости.

В 21:10 пришел твой муж. С 21:20 до начала одиннадцатого вы беседовали с мужем, попивая вино. Муж налил тебе полбокала. Поднеся вино к губам, ты заметила в бокале кусочек пробки и извлекла его оттуда пальцами. Сразу после трапезы ты приказала прислуге постелить постели.

До 23:00 вы с мужем не спали. Когда ты улеглась в свою постель, ваши настенные часы (кстати сказать, они отстают) пробили ровно одиннадцать.

Не охватывает ли тебя ужас при чтении этих записей, точных, как железнодорожное расписание?

Мститель.

Ночь под 3 февраля.

– Я и прежде знала писателя Сюдэя Оэ, – пояснила Сидзуко, – но мне и в голову не приходило, что это псевдоним Итиро Хираты.

По правде говоря, и среди нас, писателей, вряд ли кто знал подлинное имя Сюдэя Оэ. И я, наверное, никогда ничего не узнал бы о нем, если бы не мой приятель Хонда, который часто навещался ко мне и время от времени рассказывал кое-что о Сюдэе. Вот ведь до чего можно сторониться людей и не любить общества!

Помимо процитированного мною письма, Сидзуко получила от Хираты еще три. Они мало чем отличались друг от друга (хотя всякий раз были почему-то отправлены из разных мест): в каждом из них после отчаянных проклятий и угроз следовало детальное изложение всех событий того или иного вечера в жизни Сидзуко с точным указанием времени. Особенно

это касалось секретов ее спальни – все самые тайные, самые интимные подробности в поведении Сидзуко представляли в нарочито обнаженном виде. С хладнокровным бесстыдством описывал Хирата все телодвижения, упоминал о произносимых словах, что не могло не вызвать краски стыда.

Нетрудно было представить себе, какого смущения, какой боли стоило Сидзуко показать эти письма постороннему человеку. Следовательно, только крайние обстоятельства заставили ее превозмочь себя и рискнуть обратиться ко мне за советом. С одной стороны, ее появление в моем доме доказывало, что Сидзуко больше всего на свете боится, как бы ее мужу не стала известна тайна ее прошлого, а именно что она лишилась девственности еще до замужества. С другой стороны, я видел в этом по-настоящему глубокое доверие ко мне.

– У меня нет родных, если не считать родственников со стороны мужа, – продолжала Сидзуко. – Да и среди знакомых нет человека достаточно близкого, чтобы я могла ему довериться. Извините меня за бесцеремонное обращение к вам, просто я решила, что лишь у вас я найду сочувствие, лишь вы сможете подсказать, как мне поступить в сложившейся ситуации. – От одного сознания, что эта прекрасная женщина видит во мне опору, сердце у меня радостно забилося.

Разумеется, Сидзуко имела все основания обратиться за советом именно ко мне. Во-первых, я, как и Сюндэй Оэ, занимаюсь сочинительством детективных произведений; кроме того, по крайней мере в литературном плане, я отличаюсь ярко выраженной способностью к логическому мышлению. И все-таки, если бы она не питала ко мне столь безграничного доверия и благосклонности, она вряд ли избрала бы меня своим советчиком.

Понятное дело, я обещал Сидзуко сделать все возможное, чтобы помочь ей. Что касается детальной осведомленности Сюндэя Оэ о жизни Сидзуко, мне не оставалось ничего, кроме как предположить, что либо он подкупил кого-нибудь из прислуги Коямады, либо сам проник в их дом и из какого-нибудь укромного места наблюдал за Сидзуко. Судя по его письмам, Сюндэй был способен на любую подлость, на любое безрассудство.

Я спросил Сидзуко, что она думает по этому поводу, и немало удивился, когда она сказала, что мои предположения беспочвенны. По ее словам, вся прислуга живет в их доме с незапамятных времен и искренне им преданна. К тому же ворота их дома всегда закрыты на замок, так как муж Сидзуко – человек осмотрительный. Но если бы паче чаяния кто-нибудь и сумел пробраться в дом, он не смог бы проникнуть в их спальню, которая находится в глубине дома, не попавшись при этом на глаза прислуге.

И все-таки, по правде говоря, я тогда недооценил возможностей Сюндэя Оэ. Ну что может сделать этот человек, всего-навсего писатель? – думал я. Мне казалось, что самое большее, на что он способен, – это запугивать Сидзуко письмами, ведь сочинительство – его конек. Оставалось, правда, загадкой, каким образом ему удавалось добывать мельчайшие подробности о жизни Сидзуко, но и это я легкомысленно отнес на счет его проницательности: по-видимому, он просто-напросто расспросил кого-то из окружения Сидзуко и таким образом без особого труда добыл нужные ему сведения. С помощью этих доводов я попытался успокоить Сидзуко, твердо пообещав ей, ибо это было выгодно и мне самому, разыскать Сюндэя Оэ и по возможности уговорить его прекратить эту глупую игру. На том мы с Сидзуко и расстались.

Во время нашего разговора я не столько акцентировал внимание на угрожающих письмах Сюндэя, сколько пытался в самых ласковых выражениях, на какие был способен, успокоить Сидзуко. Наверное, потому, что последнее мне было делать куда приятнее.

Прощаясь с Сидзуко, я сказал:

– Думаю, что вам не следует рассказывать об этом супругу. Обстоятельства не настолько серьезны, чтобы вынудить вас пожертвовать вашей тайной. – Глупец, я стремился растянуть удовольствие от посвященности в тайну, которая была скрыта даже от ее мужа.

Однако я и впрямь решил сдержать данное Сидзуко обещание разыскать Сюндэя. Я и прежде испытывал неприязнь к этому человеку, который во всех отношениях был диаметральной противоположностью мне. Писатель, гордящийся своей популярностью у таких же ущербных, как и он сам, читателей, которых развлекают хитросплетенные сюжеты, замешанные на интригах ревливой, подозрительной и погрязшей в пороках женщины, невольно вызывал во мне раздражение. Я даже подумывал, что, если мне удастся разоблачить коварные и неблагоприятные поступки Сюндэя, я смогу представить его перед всеми в весьма невыгодном свете. Однако тогда мне и в голову не приходило, что поиски Сюндэя Оэ окажутся столь трудным делом.

3

Сюндэй Оэ, как это явствовало из его писем, сменил множество разных профессий и четыре года назад неожиданно для себя самого сделался писателем.

Его первое произведение вышло в свет тогда, когда в Японии еще не было создано практически ни одного детективного романа, и, как первое в своем роде явление, оно было встречено сочувственно читающей публикой. Оэ сразу же стал любимцем читателей.

Нельзя сказать, чтобы он был особенно плодовитым писателем, тем не менее время от времени на страницах газет и журналов появлялись его новые произведения. То были сплошь зловещие, леденящие душу сочинения. Каждое из них, казалось, было пропитано кровью, коварством и пороком настолько, что всякий раз мороз пробирал по коже. Однако, как это ни парадоксально, его произведения таили в себе некую притягательную силу, и популярность Оэ не меркла.

Что касается меня, то я обратился к детективному жанру почти одновременно с ним, оставив ради этого занятие детской литературой. По причине крайней немногочисленности детективных произведений мое имя тоже не осталось незамеченным в литературных кругах. Оказавшись собратями по перу, мы с Оэ тем не менее настолько отличались друг от друга в своих произведениях, что нас можно было назвать антиподами. Кроме того, он писал в мрачной, болезненной и навязчивой манере, а мои произведения отличались ясностью, основанной на здравом смысле.

Таким образом, мы с Оэ сразу же оказались в положении соперников. Случалось и такое, что мы публично на страницах журналов бранили друг друга. Вернее сказать, к моей досаде, чаще всего в положении атакующей стороны оказывался я, что же до Сюндэя, то он, хотя время от времени и парировал мои нападки, по большей части не снисходил до споров со мной, предпочитая отмалчиваться. И продолжал публиковать одно за другим свои исполненные жути произведения.

По правде говоря, браня книги Оэ, я не мог не ощущать на себе их гнетущей силы. Казалось, что автор был одержим какой-то своеобразной страстью, которая была подобна, если можно так выразиться, тлеющему огню, неспособному разгореться ярким пламенем. Но для читателя, может быть, в этом и таилась непонятная притягательная сила. И ежели предположить, что эту силу питает, как утверждает в письмах Сюндэй, неугасимая его ненависть к Сидзуко, все это тогда можно до некоторой степени понять и объяснить.

Признаюсь, что всякий раз, когда книги Сюндэя получали восторженную оценку, я испытывал жгучую ревность. Во мне даже возникала ребяческая враждебность к нему, и в глубине души я вынашивал желание во что бы то ни стало превзойти соперника.

Однако около года тому назад он вдруг перестал писать и бесследно исчез, словно канул в воду. И это отнюдь не было следствием падения его популярности. Истинная причина его внезапного исчезновения мне неизвестна, только исчез он без следа, к вящей растерянности сотрудников газет и журналов, которые имели с ним дело. Даже я, при всей нелюбви к этому

человеку, испытывал некое чувство утраты. Быть может, это покажется нелепостью, но мне явно недоставало любимого врага.

И вот Сидзуко Коямада принесла мне первую, причем поразительную, весть о Сюдэе Оэ. Признаться, в глубине души я обрадовался возможности вновь оказаться лицом к лицу со своим давним противником, правда теперь уже при весьма необычных обстоятельствах.

Впрочем, если задуматься, возможно, Сюдэй на сей раз решил перейти к воплощению в жизнь своих сумасбродных литературных идей, и в этом не было ничего удивительного. Наверное, это было даже логично.

Как выразился один из знавших Оэ людей, он был, что называется, «преступником в душе». Им двигало желание нести людям смерть, его обуревали те же страсти, что владеют убийцей, с той лишь разницей, что свои кровавые преступления он до сих пор совершал только на бумаге.

Читатели его произведений наверняка помнят особую зловещую атмосферу, присущую его книгам. Помнят, что его романы насквозь проникнуты какой-то ненормальной подозрительностью, таинственностью и жестокостью. В одном из своих произведений он сделал следующее леденящее душу признание: «И вот наступило время, когда он не мог более довольствоваться одним лишь сочинительством. Смертельно устав от господствующих в этом мире скуки и банальности, он прежде находил удовольствие в том, что запечатлевал свои причудливые фантазии на бумаге. Это, собственно, и побудило его взяться за перо. Но вскоре и сочинительство ему наскучило. Что же теперь сулит ему острые ощущения? Преступление, только преступление. Единственное, чего он еще не успел изведать, была влекущая сладость преступления».

Повседневная жизнь Оэ изобиловала странностями и чудачествами. В среде писателей и журналистов он был известен своей болезненной мизантропией и склонностью к таинственности. Редко кому удавалось бывать у него. Как правило, дверь его дома захлопывалась перед любым посетителем, какое бы высокое положение тот ни занимал. Кроме того, он часто менял место жительства и, ссылаясь на дурное самочувствие, никогда не показывался на писательских собраниях.

Если верить слухам, он день и ночь проводил в постели, даже ел и работал лежа. Днем он плотно прикрывал ставни и, включив пятисвечовую лампочку, копошился в полумраке своей комнаты, записывая на бумагу свои дикие фантазии.

Когда я узнал, что Оэ перестал писать и куда-то исчез, я подумал, уж не перешел ли он к претворению в жизнь своих сумасбродных замыслов, найдя себе пристанище где-нибудь в глухих трущобах Асакуса, которые не раз описывались в его произведениях. И вот не прошло и полугода, как он и в самом деле обнаружил себя как раз в роли человека, готового к осуществлению своих зловещих планов.

Я решил, что смогу скорее отыскать Сюдэя Оэ, если прибегну к помощи литературных сотрудников газет или агентов по сбору рукописей для журналов, которые непосредственно связаны с печатающимися в них авторами. Однако, как я уже упоминал, Оэ был человеком со странностями и редко допускал к себе посетителей, поэтому после наведения самых общих справок о нем в редакциях журналов я понял, что необходимо найти человека, который был бы с ним близко знаком. По счастливой случайности как раз такой человек отыскался среди литераторов, с которыми я поддерживал дружеские отношения.

Речь идет об агенте по сбору рукописей для издательства «Хакубункан» по фамилии Хонда, который снискал себе репутацию ловкого журналиста. Одно время Хонда был как бы специально приставлен к Сюдэю – в его обязанности входило заказывать тому рукописи для журнала. Ко всему прочему Хонда не лишен был и способностей детектива.

Я позвонил ему по телефону, и он приехал ко мне. В ответ на мой первый вопрос по поводу образа жизни Оэ, он произнес этаким фамильярным тоном, будто давно находился с Оэ в приятельских отношениях:

– Ах, ты о Сюдэе? Ну и стервец же он, право. – И, расплывшись в добродушной улыбке подобно богу Дайкоку², охотно принялся отвечать на мои вопросы.

По словам Хонды, когда Сюдэй был еще начинающим писателем, он снимал небольшой домик на окраине Токио, в Икэбукуро. Однако по мере того, как литературная слава его росла и соответственно увеличивались его доходы, он арендовал все более просторные жилища. Хонда назвал мне около семи адресов, которые за два года успел сменить Сюдэй: он жил на улице Кикунтё в районе Усигомэ, потом в районе Нэгиси, затем на улице Хацусэтё в Янака и в других местах.

Когда Оэ переехал в район Нэгиси, он был уже модным писателем и его без конца осаждали сотрудники журналов. С той самой поры он сделался нелюдимым и всегда держал дверь своего дома на запоре, жена же его входила и выходила через черный ход. Увидеться с ним было практически невозможно: как правило, он делал вид, что его нет дома, а потом присылал посетителю письмо, в котором говорилось: «Я не встречаюсь с людьми, поэтому прошу изложить Ваше дело в письменном виде». Немудрено, что через некоторое время у многих желавших встретиться с Сюдэем буквально опускались руки, а тех, кому удавалось увидеться с ним, можно было по пальцам пересчитать. Уж на что привычны сотрудники журналов к капризам писателей, но тут и они вынуждены были отступить. К счастью, жена Сюдэя была женщиной умной, и зачастую Хонда заказывал рукописи и делал напоминания о сроках их представления именно через нее.

Впрочем, и с женой Сюдэя временами бывало не так-то просто встретиться: на запертой входной двери то и дело появлялись записки со строгими предупреждениями: «Болен. Посетители не допускаются». Или: «Отправился в путешествие». Или: «Уважаемые господа! Все запросы относительно рукописей просьба направлять по почте. Никого принять не могу».

Перед такого рода фокусами пасовал даже Хонда, и ему не раз приходилось отправляться восвояси.

В свете всего сказанного вполне понятно, что Сюдэй никого не уведомлял о своих переездах – сотрудники журналов каждый раз были вынуждены сами разыскивать его, связываясь с ним по почте.

– Говорят, что кое-кому доводилось беседовать с Сюдэем или по крайней мере обмениваться шутками с его женой, но, по-видимому, это удавалось лишь таким настойчивым людям, как я, – не без гордости заметил Хонда.

– На фотографии Сюдэй выглядит весьма привлекательным мужчиной. Таков ли он на самом деле? – спросил я. Рассказ Хонды становился для меня все более интересным.

– Ну что ты! – откликнулся мой собеседник. – У меня такое впечатление, что сфотографированный здесь человек попросту не он. Правда, Сюдэй говорил мне, что этот снимок был сделан в молодости, но все равно не верится. Сюдэй совершенно не похож на этого привлекательного мужчину. В жизни он выглядит безобразно обрюзгшим, наверное, потому, что мало двигается – ведь он все время проводит в постели. Кожа у него отвислая по причине все той же полноты. На лице отсутствует какое бы то ни было выражение. Глаза мутные. Одним словом, вылитый Тодзаэмон³. К тому же Сюдэй плохой собеседник и обыкновенно больше молчит. Просто диву даешься, как этому человеку удастся создавать такие занимательные произведения. Помнишь повесть Кодзи Уно «Эпилептик»? Так вот, Сюдэй – точная копия главного героя. Подобно ему, он ни днем ни ночью не встает с постели – наверное, уж все бока отлежал.

² Дайкоку – бог богатства и удачи, обладающий молотом, который исполняет желания.

³ Тодзаэмон – легендарный борец сумо.

Я виделся с Оэ дважды или трижды, и всякий раз он беседовал со мной лежа. Видимо, правду говорят, что он и пищу принимает в постели. Однако же есть в поведении Сюдэя некая странность, не вяжущаяся с его образом жизни. Мне приходилось слышать, что этот нелюдим, привыкший целыми днями валяться в постели, время от времени облачается в какое-то странное одеяние и совершает прогулки в окрестностях Асакуса. Любопытно, что это происходит неизменно под покровом темноты. Будто он вор какой-то или летучая мышь. Вот я и подумал: уж не страдает ли Сюдэй мучительной застенчивостью? Не движим ли он желанием утаить от людей свое физическое безобразие? Чем громче становится его литературная слава, тем больше он стыдится своего уродства. Друзей он не заводит, посетителей не принимает. Так не служат ли его таинственные вечерние прогулки по многолюдным улицам своеобразной компенсацией за долгие часы одиночества? Изучив характер Сюдэя и сопоставив собственные наблюдения с недомолвками его жены, я вполне могу предположить, что дело обстоит именно так.

По мере того как Хонда со свойственным ему красноречием приводил все новые факты из жизни Сюдэя, в моем воображении все более отчетливо возникал образ этого человека. А под конец нашей беседы я узнал об одном поистине удивительном происшествии.

– Поверишь ли, Самукава-сан, – обратился Хонда ко мне, – на днях мне довелось собственными глазами увидеть этого «исчезнувшего без следа» Оэ. Обстоятельства нашей встречи были столь необычны, что я не рискнул даже поздороваться с ним, но то был, вне всякого сомнения, он.

– Где ты его встретил? – невольно вырвалось у меня.

– В парке Асакуса. Дело было под утро. Я возвращался домой. Признаться, я был немного навеселе. – Хонда улыбнулся и почесал в затылке. – Знаешь китайский ресторанчик «Райрай-кэн»? Так вот, как раз возле этого ресторанчика стоял тучный человек в красном колпаке и шутовском наряде с пачкой рекламных листов в руке. И это – ранним утром, когда улицы еще совсем пустынные. Конечно, все это весьма смахивает на небылицу, но странным человеком в колпаке был не кто иной, как Сюдэй Оэ. От удивления я прямо-таки застыл на месте, не зная, как поступить дальше: то ли окликнуть его, то ли пройти мимо. Видимо, и он меня заметил, но лицо его оставалось по-прежнему бесстрастным. В следующую минуту он повернулся ко мне спиной, поспешно зашагал прочь и вскоре скрылся за поворотом. Сначала я решил было броситься за ним, но потом передумал, сообразив, что вступать в беседу с человеком, застигнутым в таком виде, было бы неуместно, и отправился домой.

Все это время, пока я слушал рассказ Хонды о странном образе жизни Сюдэя, мне было не по себе, будто я видел какой-то неприятный сон. Теперь же, узнав о том, что он стоял в парке Асакуса в шутовском наряде, я просто испугался. Мне даже показалось, что у меня на голове зашевелились волосы. Тогда я еще не мог уяснить, существует ли непосредственная связь между шутовским обликом Оэ и его угрожающими письмами Сидзуко, но мне уже казалось, что какая-то связь, безусловно, есть и нельзя не обращать на это внимания (во всяком случае, встреча Хонды с Сюдэем в Асакуса по времени точно совпадает с получением Сидзуко первого от него письма).

Воспользовавшись случаем, я решил выяснить, соответствует ли почерк автора этого письма почерку Оэ, и, выбрав из всего письма одну страничку, по которой трудно было судить, кому и с какой целью оно написано, показал ее Хонде.

Взглянув на листок, Хонда не только с полной категоричностью подтвердил, что это рука Сюдэя, но и сказал, что по стилю и грамматическому строю написанное не может принадлежать никому иному, кроме Сюдэя. Дело в том, что некогда Хонда попробовал ради интереса написать рассказ в подражание Сюдэю и поэтому хорошо представляет себе манеру письма последнего.

– У Оэ фразы какие-то вязкие, и подражать его стилю довольно трудно, – заметил Хонда.

Я готов был согласиться с этим суждением. Прочитав несколько писем Сюдэя, я еще отчетливее, чем Хонда, представил себе особый стиль их автора.

В тот же день под каким-то предлогом я попросил Хонду выяснить для меня адрес Сюдэя.

– Хорошо, – согласился тот. – Можешь на меня положиться.

Однако же это ни к чему не обязывающее обещание приятеля не успокоило меня, и я решил наведаться в дом № 32 по улице Сакурагитё, где, как сказал Хонда, совсем недавно проживал Оэ, и попытаться что-нибудь выведать у его бывших соседей.

4

На следующий день, отложив работу над новой рукописью, я отправился на улицу Сакурагитё. Поговорив с горничной, служившей в одном из соседних домов, с торговцем и еще с несколькими людьми, я убедился, что все рассказанное мне накануне Хондой соответствовало действительности, но ничего нового о последующей жизни Сюдэя мне узнать не удалось.

По соседству с домом, где проживал Сюдэй Оэ, стояли такие же небольшие особнячки средней руки. Их обитатели, в отличие от соседей в многоквартирных домах, почти не общались между собой. Поэтому соседи Сюдэя только и знали, что он уехал и никому не сообщил своего нового адреса. Более того, поскольку на дверях дома у Сюдэя не было таблички с его именем, люди даже не догадывались, что живут по соседству с известным писателем. И названия конторы, которая предоставила ему фургон для переезда, никто сообщить не смог. Таким образом, я был вынужден возвратиться домой ни с чем.

Поскольку никаких иных возможностей выяснить что-либо об Оэ я не видел, мне ничего не оставалось, как углубиться в работу над рукописью, с которой я и так уже порядком затянул, да время от времени позванивать Хонде и узнавать о состоянии дел с розыском Сюдэя. Так прошло пять или шесть дней, но напасть на след Оэ тому все не удавалось. Между тем Сюдэй медленно, но верно шел к намеченной цели.

И вот на исходе недели Сидзуко позвонила мне домой и попросила срочно приехать к ней, потому что стряслось нечто совершенно ужасное. Мужа, по ее словам, сейчас дома нет, прислуга отлучилась по делам и вернется не скоро, так что она с нетерпением ждет меня. Судя по всему, звонила Сидзуко не из дома, сочтя более благоразумным воспользоваться телефоном-автоматом. Говорила она крайне сумбурно, прерывающимся от волнения голосом... Несколько коротких фраз – вот и все, что она успела мне сказать за три минуты телефонного разговора.

Итак, воспользовавшись отсутствием мужа, Сидзуко отослала прислугу из дома и тайком приглашает меня к себе. Это приглашение посеяло во мне смутные надежды. Я пообещал Сидзуко прийти тотчас же и, разумеется, отнюдь не из-за родившихся в моей душе надежд, поспешил к ней домой в район Асакуса.

Дом Коямады помещался в некотором отдалении от окружавших его торговых фирм и по виду напоминал старинный японский замок. Сразу за домом протекала река, хотя с фасада ее не было видно. И только грубый бетонный забор, поверх которого были натканы острые осколки стекла для защиты от воров, да двухэтажная пристройка европейского типа, вплотную примыкавшая к главному дому, не вязались со старинной архитектурой японского особняка. Эти два сооружения вносили чудовищную дисгармонию в общий старинный пейзаж, от них так и веяло провинциальным вкусом нувориша.

Я подал свою визитную карточку деревенского вида девушке и был препровожден в европейскую пристройку, где в гостиной меня поджидала крайне встревоженная Сидзуко.

После долгих извинений за доставленное мне беспокойство Сидзуко, почему-то понизив голос, сказала:

– Первым делом прочтите вот это. – И она протянула мне конверт. Боязливо оглянувшись по сторонам, она придвинулась ко мне.

Как и следовало ожидать, в конверте оказалось очередное письмо Сюндэя Оэ. Поскольку по содержанию оно несколько отличалось от предыдущих, я считаю уместным привести его здесь целиком.

Госпоже Коямада.

Сидзуко, о том, как ты страдаешь, видно по твоим глазам. Я знаю, что втайне от мужа ты прилагаешь старания к тому, чтобы дознаться, где я скрываюсь. Но поиски твои бессмысленны, и я советую тебе их прекратить. Если у тебя хватит смелости рассказать мужу о моих преследованиях и вы рискнете обратиться в полицию, это ни к чему не приведет. Ни одна душа не знает, где я скрываюсь. О том, сколь я предусмотрителен, тебе должно быть известно хотя бы из моих книг.

Итак, завершился первый этап моего плана. То была как бы разминка. Пришло время приступать ко второму этапу.

В связи с этим я должен кое-что тебе сообщить. Полагаю, что ты уже догадалась, каким образом мне удастся с такой точностью узнавать обо всем, что ты делаешь каждый вечер. С тех пор как я отыскал тебя, я следую за тобой по пятам подобно тени. Невидимый тебе, я ежесекундно и неотступно наблюдаю за тобой – и когда ты находишься дома, и когда выходишь на улицу. Кто знает, быть может, и теперь я, ставший твоей тенью, смотрю на тебя из какого-нибудь угла твоей комнаты и вижу, как ты трепещешь, читая это письмо.

Как ты понимаешь, наблюдая за тобой каждый вечер, я стал невольным свидетелем твоих супружеских отношений. И во мне вспыхнула жгучая ревность.

Этого я не мог предусмотреть, разрабатывая свой план мщения, но, как я вижу теперь, чувство ревности не только не способно помешать осуществлению моего замысла, но, напротив, подогревает во мне желание мстить, беспощадно мстить. Итак, я понял, что некоторое отступление от первоначального плана будет лишь способствовать успеху всего предприятия.

Вот что я имею в виду: поначалу я рассчитывал вконец измучить и запугать тебя и таким образом довести до гибели. Но теперь, став свидетелем твоих супружеских ласк, я решил, что поступлю вернее, если, прежде чем убивать тебя, лишу жизни у тебя на глазах любимого тобой человека. И только после того, как ты вкусишь всю горечь потери, настанет твой черед.

Однако торопиться мне некуда. Я никогда ничего не делаю в спешке. Грешно было бы переходить к очередному этапу моего плана, пока ты не оправившись от ужаса после прочтения этого письма.

Мститель.

Ночь под 16 марта.

Читая эти жестокие, полные зловещего смысла строки, я не мог не содрогнуться. Я ощущал, как растет во мне ненависть к Сюндэю Оэ, которого нельзя уже было даже считать человеком.

Однако, если бы я позволил себе поддаться страху, кто утешил бы Сидзуку, которая совершенно пала духом? Мне не оставалось ничего иного, как сделать вид, будто я абсолютно

спокоен, и снова и снова стараться убедить Сидзуко, что угрозы Сюдэя не более чем писательские выдумки.

– Простите, не могли бы вы говорить чуточку тише? – перебила меня Сидзуко.

Казалось, мои пылкие увещания не задели ее слуха. Внимание ее было сосредоточено на чем-то другом: время от времени она пристально вглядывалась в какую-то точку и внимательно прислушивалась. Она старалась говорить как можно тише, будто кто-то мог нас подслушивать. Губы ее побелели и стали почти незаметны на бледном лице.

– Сэнсэй, уж не помутился ли у меня рассудок? Могло ли такое случиться в самом деле? – произнесла наконец Сидзуко, понизив голос до шепота.

– О чем вы? – откликнулся я таким же многозначительным шепотом.

– В этом доме скрывается Хирата.

– Где? – спросил я в растерянности, не в силах уловить смысла в словах Сидзуко.

Вместо ответа она решительно поднялась и, еще более побледнев, жестом пригласила меня следовать за собой. Сердце у меня тревожно замерло, и я послушно пошел за ней. По дороге она заметила у меня на руке часы, почему-то попросила их снять и вернулась в комнату, чтобы положить их на стол. Стараясь ступать бесшумно, мы прошли короткий коридор и вскоре оказались перед комнатой Сидзуко в японском доме. Раздвинув комнатную перегородку, Сидзуко замерла в страхе, как будто прямо перед собой увидела злоумышленника.

– Странно. Уж не ошиблись ли вы? Да и как смог бы этот человек среди бела дня проникнуть в ваш дом? – Не успел я произнести эти слова, как Сидзуко жестом велела мне замолчать и, взяв меня за руку, подвела к углу комнаты. Она подняла глаза кверху и подала мне знак прислушаться. Минут десять мы простояли, уставившись друг на друга и напряженно вслушиваясь в тишину. Дело происходило днем, но в комнате Сидзуко, расположенной в глубине просторного японского дома, не было слышно ни звука. Здесь стояла такая тишина, что можно было услышать, как стучит в висках собственная кровь.

– Вы не слышите тиканья часов? – почти беззвучно спросила наконец Сидзуко.

– Нет. А где здесь часы?

Сидзуко не ответила и еще некоторое время продолжала напряженно прислушиваться к чему-то. Наконец, как будто успокоившись, она проговорила:

– Да, кажется, и в самом деле ничего не слышно.

Мы вернулись в гостиную, где прерывающимся от волнения голосом Сидзуко поведала мне о следующем таинственном происшествии.

Дело было так. Она сидела в своей комнате и вышивала, когда вошла горничная и подала ей уже известное письмо Сюдэя. К тому времени Сидзуко было достаточно одного взгляда на конверт, чтобы понять, от кого оно. Она взяла письмо в руки, и ее тотчас же охватило невыразимое беспокойство, но, поскольку отложить его в сторону значило бы обречь себя на еще большую тревогу, Сидзуко дрожащей рукой вскрыла конверт.

Узнав, что отныне кровавый замысел Сюдэя распространяется и на ее мужа, Сидзуко не могла найти себе места от страха. Повинуясь какому-то непонятному импульсу, она встала и направилась в угол комнаты. Как только она поравнялась с комодом, ее внимание привлек доносящийся откуда-то сверху едва уловимый звук, похожий на жужжание.

– Сперва я решила, что у меня просто шумит в ушах, – продолжала Сидзуко, – но, внимательно прислушавшись, поняла, что природа этого звука совершенно иная – он напоминал мерное постукивание одного металлического предмета о другой: тик-так, тик-так.

Сидзуко сразу же пришла к выводу, что где-то наверху скрывается человек и что странный звук – это тиканье его карманных часов.

Не оказавшись Сидзуко в углу комнаты, не будь в комнате так тихо, наконец, не будь ее нервы напряжены до предела, вряд ли ей удалось бы расслышать это слабое, едва уловимое постукивание. А что, если это было просто тиканье часов, находящихся где-то рядом? Тогда

этот звук мог быть отражен потолком по тем же самым законам, по которым преломляются лучи, и его можно было принять за исходящий с чердака. С этой мыслью Сидзуко внимательно осмотрела все вокруг, но ничего похожего на часы не обнаружила.

Она вдруг вспомнила фразу из письма Сюдэя: «Кто знает, быть может, и теперь я, ставший твоей тенью, смотрю на тебя из какого-нибудь угла твоей комнаты...» Сидзуко инстинктивно взглянула вверх. Как раз над ее головой в потолке зияла щель, образованная слегка отодвинутой потолочной доской. В этот миг ей почудилось, что там, в темноте, в этой щели сверкнули глаза Сюдэя.

«Так это вы, Хирата-сан?» – вне себя от ужаса произнесла Сидзуко. Затем, не сдерживая слез, она с видом воина, вынужденного сдаться врагу, заговорила с человеком на чердаке. В тихом голосе Сидзуко звучала искренняя мольба: «Что бы со мною ни стало, я не боюсь. Я готова на все, лишь бы вы наконец успокоились. Можете даже убить меня, если вам это угодно. Прошу только оставить в покое моего мужа. Я солгала ему, и мне страшно от одной лишь мысли, что этот человек может погибнуть по моей вине. Пощадите его! Молю вас, пощадите его!»

Сверху ответа не последовало. Успев оправиться от страха, Сидзуко долго стояла на том же месте, не в силах побороть охватившей ее подавленности. С чердака по-прежнему доносилось лишь приглушенное тиканье часов, и никаких других звуков. Затаившееся чудовище, казалось, не дышало и безмолвствовало, будто пораженное немотой.

Это гнетущее безмолвие повергло Сидзуко в ужас. Она выбежала из комнаты и, не в силах более оставаться дома, бросилась на улицу. Тут она неожиданно вспомнила обо мне и, отринув все сомнения, направилась к телефону-автомату.

Слушая рассказ Сидзуко, я невольно вспомнил один из наиболее страшных рассказов Сюдэя Оэ – «Развлечения человека на чердаке». Если тиканье часов, которое слышала Сидзуко, не было слуховой галлюцинацией, если Сюдэй и впрямь затаился на чердаке, получалось, что сюжет этого рассказа без каких бы то ни было изменений переносился в реальную действительность. Это было вполне в духе Сюдэя.

Хорошо помня содержание этого рассказа, я не только не мог обратить в шутку на первый взгляд почти невероятный рассказ Сидзуко, но и сам испытывал панический страх. У меня было такое чувство, будто я своими глазами увидел ухмыляющегося во мраке толстяка в красном колпаке и шутовском наряде.

5

Посоветовавшись с Сидзуко, я решил, подобно частному детективу из рассказа «Развлечения человека на чердаке», подняться наверх и посмотреть, есть ли там чьи-нибудь следы, и, если следы обнаружатся, выяснить, каким образом этот человек попадает на чердак. «Что вы, это опасно», – пыталась удержать меня Сидзуко, но, отстранив ее, я, как подсказал мне опыт моего предшественника из рассказа Сюдэя, раздвинул потолочное перекрытие над комодом и, подобно бывалому монтеру, полез наверх. В доме по-прежнему никого не было, кроме девушки, встретившей меня, но и та была занята своими делами на кухне, поэтому никто мне помешать не мог.

Нельзя сказать, чтобы чердак выглядел так же опрятно, как описывает в своем рассказе Оэ. Особой захламленности там, правда, не было, потому что под Новый год, когда в доме проводилась уборка, потолочные перекрытия тщательно промывались, однако за три месяца на чердаке успела накопиться пыль и по углам уже протянулась паутина. Понимая, что в темноте я ничего не увижу, я заранее взял у Сидзуко фонарик и теперь, осторожно двигаясь по балкам, направлялся к месту, которое меня интересовало. Ориентиром мне служила полоска неяркого света, пробивавшегося снизу сквозь щель в потолке, – по-видимому, после последней уборки

потолочное перекрытие как следует не подогнали. Но не успел я и наполовину приблизиться к цели, как обнаружил нечто такое, от чего у меня замерло сердце.

Поднимаясь на чердак, я все еще сомневался в достоверности рассказа Сидзуко, однако ее предположения теперь полностью подтвердились. На чердаке были отчетливо видны следы побывавшего там человека.

Я похолодел. От одной мысли, что незадолго до меня этот же путь проделал, распластавшись на чердаке, подобно ядовитому пауку, Сюдэй Оэ – человек, которого я знал лишь по книгам и никогда не видел в жизни, – меня охватил не поддающийся описанию страх. Собравшись с духом, я двинулся дальше по отпечатавшимся на запыленной балке следам то ли рук, то ли ног побывавшего здесь человека. Вот и место, откуда доносилось до Сидзуко тиканье часов, – и в самом деле, судя по основательно стертой пыли, человек находился тут достаточно долго.

Уже не помня себя, я двигался по следам того, кто, по всей вероятности, и должен был быть Сюдэем Оэ. Похоже, он обошел весь чердак – и тут и там были заметны его беспорядочные следы. В потолочном перекрытии над комнатой Сидзуко и над общей спальней я обнаружил щели, в этих местах пыль как раз и была особенно стерта.

Подражая герою рассказа «Развлечения человека на чердаке», я взглянул оттуда вниз и сразу же понял, что Сюдэй вполне мог получать удовольствие от этого занятия. Видимый сквозь щель в потолке «лежащий внизу мир» являл собой весьма своеобразное, не поддающееся воображению зрелище. В особенности меня поразил вид сидевшей с опущенной головой Сидзуко. Как странно может выглядеть человек под определенным углом зрения!

Мы привыкли смотреть на все, в том числе и на самих себя, со стороны, и человек, сколь бы хорошо он ни представлял себе свой облик, никогда не задумывается о том, как он выглядит сверху. И в этом его просчет. Сверху человек просматривается в своем естественном, неприукрашенном виде и представляет довольно неприглядное зрелище. В прическе Сидзуко (кстати говоря, сверху ее форма казалась весьма странной), в том месте, где она разделялась на верхние пряди и пучок, проглядывала светлая полоса пробора, и это производило впечатление неопрятности, особенно в сравнении с блестящими, сверкающими чистотой прядями волос. Глядя на Сидзуко сверху, я отчетливо различал грубый красный след, который тянулся от затылка по белоснежной коже ее спины и пропадал где-то в темной глубине под одеждой. Из-за этих моих открытий Сидзуко перестала казаться мне столь изысканной, как прежде. Но зато я еще более отчетливо ощутил на себе влияние присущей ей удивительной чувственности.

Но как бы то ни было, в те минуты меня больше всего заботил вопрос: не остались ли на чердаке непреложные доказательства того, что там побывал именно Оэ? С помощью фонарика я внимательно осматривал все вокруг, однако оставленные на полу следы рук и ног были смазаны и неясны. Само собой понятно, что в подобной ситуации снять отпечатки пальцев побывавшего на чердаке человека мне не удалось. Как и герой «Развлечений человека на чердаке», Сюдэй действовал в перчатках и носках.

Только в малоприметном углу, где деревянная подпорка соприкасалась с потолочной балкой, как раз над комнатой Сидзуко, я вдруг заметил небольшой круглый предмет темно-серого цвета. Это была металлическая вещица, по форме напоминающая пуговицу, с выгравированными на ней буквами R. K. BROS CO. Подобрав ее, я сразу же вспомнил пуговицу от сорочки, которая фигурирует в «Развлечениях человека на чердаке», однако, несмотря на подобное совпадение, моя находка выглядела несколько странно для пуговицы. Скорее это была застежка для шляпы, но точного назначения этого предмета я тогда определить не мог. Позднее я показал его Сидзуко, но и та в ответ лишь развела руками.

Находясь на чердаке, я попытался выяснить, каким образом пробирался сюда Сюдэй. Двигаясь по следам, я обнаружил, что они обрываются над кладовкой, расположенной напротив передней. Грубо отесанные доски, служившие потолком кладовки, без труда отодвигались,

стоило только чуточку их приподнять. Я спустился вниз, став ногой на брошенный в кладовке сломанный стул, и нажал на дверь. Замка на ней не было, и она без труда распахнулась. Прямо перед собой я увидел бетонный забор высотой чуть выше человеческого роста.

Значит, Сюдэй Оэ, выждав момент, когда улица опустеет, перелезал через этот забор (как я упоминал, в его верх были натканы осколки стекла, но для опытного вора это вряд ли могло служить серьезным препятствием), проникал в незапирающуюся кладовку, а оттуда – на чердак.

Раскрыв секрет проникновения Оэ на чердак, я даже ощутил некоторое разочарование, настолько все оказалось просто. «До такого мог додуматься и ребенок», – подумал я с презрением. Страх перед непонятным и таинственным исчез, на смену ему пришла самая что ни на есть обыкновенная досада. Однако, отказавшись принимать противника всерьез, я допустил грубейшую ошибку, но понял это, к сожалению, гораздо позже.

До смерти перепуганная Сидзуко сказала мне, что, поскольку опасность грозит не только ей, но и ее мужу, она готова пожертвовать своей тайной и заявить обо всем в полицию, я же, не веря в серьезность намерений Сюдэя, принялся урезонивать ее, ссылаясь на то, что Сюдэй не станет повторять глупой уловки героя «Развлечений человека на чердаке», спуская с потолка яд, и что из одного факта проникновения Оэ на чердак нелепо делать вывод, будто он замышляет убийство. Действительно, он, как ребенок, получает удовольствие от того, что внушает Сидзуко страх, он мастер прикидываться, будто замышляет ужасное преступление. Но в конце концов, он не более как писатель, и, для того чтобы осуществить свои замыслы на деле, у него слишком коротки руки. Я всеми силами старался утешить Сидзуко, но, поскольку недоброе предчувствие не покидало ее, я обещал ради ее спокойствия обратиться к своему приятелю, который обожает всякие таинственные приключения, с тем чтобы тот каждую ночь дежурил у двери кладовой.

Со своей стороны Сидзуко решила под каким-нибудь предлогом на некоторое время перевести спальню в комнату для гостей, которая находилась на втором этаже европейской части дома. Там в потолке никаких щелей нет и наблюдать за ними никто не сможет.

Эти две меры предосторожности были приняты на следующий же день, но, как выяснилось позже, они не остановили уже занесенной руки злодея. Ровно через два дня, в ночь на двадцатое марта, в строгом соответствии со своим замыслом чудовище во мраке лишило жизни свою первую жертву. Ею оказался Рокуро Коямада.

6

В письме Сюдэя вслед за сообщением о его намерении убить г-на Коямаду говорилось: «Однако торопиться некуда. Я никогда ничего не делаю в спешке». Почему же тогда на сей раз он отступил от своего правила, совершив преступление всего лишь через два дня после отправки письма? Быть может, это диктовалось соображениями тактического порядка? Тогда своим письмом он намеревался дезориентировать Сидзуко и затем нанести неожиданный удар. Но потом меня вдруг осенила другая догадка.

Услышав тиканье часов на чердаке и решив, что там скрывается Сюдэй, Сидзуко со слезами на глазах стала молить его сохранить жизнь г-ну Коямаде и тем самым лишний раз дала возможность Сюдэю убедиться в ее искренней привязанности к мужу. От этого ревность Сюдэя разгорелась еще больше, и в то же время он не мог не почуять грозящую ему опасность разоблачения. Не потому ли он решил как можно скорее покончить со столь дорогим Сидзуко человеком?

И все же обстоятельства смерти Рокуро Коямады выглядели весьма странно.

Как только Сидзуко сообщила мне о смерти мужа, я в тот же вечер приехал к ней и попросил ее подробно рассказать обо всех событиях того рокового дня. Оказалось, что в поведении

г-на Коямады в тот день ничего странного она не заметила. Он вернулся с работы немного раньше обычного и, поужинав, отправился в Коумэ, что на противоположном берегу реки, сыграть несколько партий в го с приятелем. Вечер был теплый, поэтому он не стал надевать пальто и вышел из дома в шелковом авасэ и плотной накидке-хаори поверх него. Неторопливо он направился в сторону реки. Было это около семи часов вечера.

Дом приятеля находится неподалеку, и г-н Коямада всегда ходил туда пешком. Что произошло после его ухода из дома, Сидзуко не знала. Она прождала мужа всю ночь, но он так и не вернулся, а поскольку как раз накануне пришло упомянутое мною письмо Сюдзэ, ее охватило беспокойство. Едва дождавшись утра, Сидзуко принялась обзванивать всех знакомых мужа, к тем же, у кого телефона не было, она отправила посыльного. Но, как оказалось, ни к кому из них в тот роковой вечер г-н Коямада не заходил. Пробыв у приятеля до двенадцати часов, он пешком же отправился домой. Разумеется, Сидзуко звонила и мне, но в это время меня не было дома, и о происшедшем я узнал только вечером.

Когда г-н Коямада не появился у себя в конторе к началу рабочего дня, служащие принялись разыскивать его, однако и эти поиски ни к чему не привели. Только в полдень Сидзуко позвонила из полиции и сообщила о весьма странной смерти ее мужа.

Если пройти немного к северу от трамвайной остановки у Каминаримон, что неподалеку от моста Адзумабаси, и затем спуститься к плотине, можно сразу увидеть пристань, к которой причаливает пассажирский катер, курсирующий между Адзумабаси и Сэндзюобаси. Это своеобразная достопримечательность реки Сумидагава времен пассажирских пароходов. Я сам довольно редко пользуюсь этим видом транспорта, но, когда мне нужно попасть в Гэммон или Сирахигэ, я, как правило, добираюсь туда на таком вот катере. Эта старинная, провинциальная атмосфера бывает мне по душе, и время от времени я люблю в нее погружаться.

Пристань, о которой я говорю, представляет собой нечто похожее на плот, спущенный на воду. Здесь, на этом слегка раскачивающемся плоту, находятся и скамейки для пассажиров, и туалет.

Двадцатого марта хозяйка небольшого магазинчика в Асакуса отправилась по делам в Сэндзю и около восьми часов утра была уже на пристани. Она зашла в туалет, но, не успев закрыть за собой дверь, тут же с криком выскочила оттуда. На вопрос подбежавшего к ней старика-контролера она ответила, что в туалете, под отверстием в сиденье, в воде, она увидела обращенное вверх мужское лицо.

Как объяснил мне позднее контролер, он поначалу решил, что это проделка лодочника или еще кого-нибудь (мало ли в наше время людей с извращенными сексуальными наклонностями), но, войдя в туалет, он и в самом деле увидел в воде на расстоянии около тридцати сантиметров от отверстия мужскую голову: покачиваясь на волнах, голова то скрывалась наполовину в воде, то снова всплывала, словно заводная игрушка, и потому зрелище само по себе не казалось страшным.

Поняв, что в воде плавает труп, старик стал громко звать на помощь собравшихся на пристани молодых парней. На его зов откликнулся дюжий детина-рыботорговец, который вместе с другими парнями попытался вытащить труп. Но в туалете сделать это оказалось невозможным, поэтому они с помощью багра зацепили труп снаружи и подтянули его к берегу. Одежды на трупе не было, если не считать трусов. На вид покойнику можно было дать лет сорок, и думать, что такому солидному мужчине вдруг ни с того ни с сего вздумалось искупаться в столь неподходящее время года, было сущей нелепицей. При более тщательном осмотре трупа обнаружилось, что спина пострадавшего исполосована ножом или каким-то другим острым предметом. По всему было видно, что это не просто утопленник.

От высказанной кем-то такой догадки толпа заволновалась, а когда труп стали наконец вытаскивать из воды, выявилась еще одна странная деталь: как только покойника схватили за волосы, они в тот же миг, прямо на глазах у полицейского, только что прибежавшего на

место происшествия, легко отделились от черепа. Все в ужасе отпрянули, но, когда первый страх прошел, ребятам показалось странным, что у покойника, пробывшего в воде сравнительно недолго, волосы отделяются с такой легкостью. Как выяснилось, у них в руках был обыкновенный парик, голова же покойного была просто лысой.

Найденный в реке мужчина был г-н Коямада. Таков был трагический конец президента известной торговой фирмы.

Выходило, что преступник снял с убитого одежду, а затем, надев на его лысую голову парик, сбросил тело в воду около моста. Хотя труп был найден в воде, смерть тем не менее наступила, видимо, раньше, в результате ран, нанесенных каким-то острым предметом в области левого легкого. Помимо этих тяжелых ран, на спине покойного было обнаружено еще несколько неглубоких порезов. По-видимому, преступнику не сразу удалось лишить свою жертву жизни.

Согласно заключению полицейского врача, г-н Коямада был убит примерно в час ночи. Поскольку труп был голый и никаких документов при нем обнаружено не было, сразу установить личность убитого оказалось невозможным, и полиция долгое время пребывала в полном неведении. Наконец около полудня нашелся человек, который опознал труп, и из полиции сразу же позвонили Сидзуко домой.

Когда вечером я приехал к Сидзуко, дом был полон родственников, сослуживцев и друзей г-на Коямады. Сидзуко сказала мне, что она только что вернулась из полицейского управления. Она сидела подавленная и молчаливая в окружении родных и служащих фирмы, явившихся выразить ей соболезнование.

Труп г-на Коямады все еще находился в полиции на тот случай, если понадобится произвести вскрытие, однако на застланном белым полотном возвышении домашнего алтаря уже стояла деревянная табличка с посмертным именем покойного, как это принято у исповедующих буддизм. Тут же стояли цветы и курились благовония.

По просьбе Сидзуко и сослуживцев покойного я рассказал все, что мне было известно об обстоятельствах, при которых был найден труп г-на Коямады. Все это время меня мучил стыд и раскаяние, ведь накануне я настойчиво убеждал Сидзуко не обращаться в полицию.

Что касается преступника, я нисколько не сомневался в том, что им был Сюдэй Оэ. Наверняка дело было так: как только г-н Коямада вышел от приятеля, Сюдэй направился за ним следом к мосту и там, на пристани, убил его, а труп сбросил в реку. Если принять во внимание время, когда было совершено преступление, сообщение Хонды о том, что Сюдэй обычно в это время прогуливается в районе Асакуса, а главное – то письмо, в котором он заранее сообщал о своем намерении убить г-на Коямаду, убийцей мог быть только Сюдэй, и никто другой. Никаких оснований сомневаться в этом у меня не было.

Однако почему все-таки г-н Коямада был раздет? Почему на нем оказался этот странный парик? Если и это было делом рук Сюдэя, то все-таки зачем ему понадобилось разыгрывать весь этот фарс? Это казалось мне необъяснимым.

Улучив момент, я дал понять Сидзуко, что хочу переговорить с ней наедине. Словно ожидая этого, она послушно поднялась и, извинившись перед присутствующими, вышла за мной в соседнюю комнату.

Когда мы остались одни, она чуть слышно окликнула меня и порывисто припала ко мне. Глаза ее под длинными ресницами заблестели и наполнились слезами. Крупные капли одна за другой покатались по ее бледным щекам.

– Не знаю, сможете ли вы меня простить. Все произошло из-за моей беспечности. Я не думал, что он решится на такое. Я виноват, я один во всем виноват...

Почувствовав, как у меня самого на глаза наворачиваются слезы, я схватил руку рыдающей Сидзуко и, сжимая ее изо всех сил, снова и снова умолял простить меня. Это было мое первое прикосновение к Сидзуко. Я до сих пор помню тепло и упругость пальцев ее хрупкой

белоснежной руки. Несмотря на трагичность ситуации, от этого прикосновения в груди у меня вспыхнуло пламя.

– Вы рассказали в полиции о письмах? – спросил я наконец, когда всхлипывания Сидзуко затихли.

– Нет, я не знала, как лучше поступить.

– Значит, пока вы ничего не рассказали?

– Нет, мне хотелось прежде посоветоваться с вами. – Я все еще не отпускал руку Сидзуко, и она стояла, по-прежнему прижавшись ко мне.

– Вы, конечно, тоже считаете, что это дело рук того человека?

– Да. Вы знаете, той ночью произошло нечто странное.

– Нечто странное?

– Воспользовавшись вашим советом, я перевела спальню на второй этаж европейского дома. Я была уверена, что там-то он не сможет за мною подсматривать. Но он все-таки подсматривал.

– Каким образом?

– Через окно. – С округлившимися от страха глазами при воспоминании о событиях той ночи Сидзуко стала рассказывать: – В двенадцать часов ночи я легла в постель, но, поскольку муж все еще не возвращался, я начала беспокоиться. Мне стало страшно находиться одной в этой комнате с такими высокими потолками. Мне казалось, что из углов кто-то смотрит на меня. На одном из окон штора была спущена, но не до конца, образуя зазор. Сгустившаяся за окном тьма настолько пугала меня, что я невольно стала всматриваться в темноту и вдруг увидела за окном лицо человека.

– А вам не могло это померещиться?

– Вскоре лицо исчезло, но я уверена, что это был не обман зрения. Я как сейчас вижу эти прижатые к стеклу космы, эти устремленные на меня глаза.

– Это был Хирата?

– Наверное, он. Кому же, кроме него, придет такое в голову?

После этого разговора мы с Сидзуко окончательно пришли к выводу, что в смерти г-на Коямады повинен, вне всякого сомнения, Сюдэй Оэ, он же Итиро Хирата. Кроме того, мы решили вместе заявить в полицию, что теперь преступник будет покушаться на жизнь Сидзуко, и в связи с этим просить взять Сидзуко под защиту.

Следователем по этому делу был назначен бакалавр юридических наук Итосаки, который по счастливому стечению обстоятельств оказался членом «Общества любознательных», созданного по инициативе писателей, работающих в детективном жанре, а также медиков и юристов. Поэтому, когда мы с Сидзуко явились в полицейское управление Касагаты, где находился следственный отдел, он принял нас по-приятельски, совсем не так, как официально тут принимают посетителей.

Как выяснилось, Итосаки тоже глубоко заинтересовало и озадачило это необычное дело. Он заверил нас, что сделает все возможное, чтобы найти Сюдэя Оэ, обещал устроить в доме Коямады засаду, а также увеличить число полицейских нарядов в том районе, с тем чтобы обеспечить полную безопасность Сидзуко. Далее, выслушав мое предостережение о том, что на немногочисленных известных фотографиях Сюдэй Оэ мало похож на самого себя, Итосаки вызвал Хонду и попросил его нарисовать словесный портрет преступника.

7

В течение всего следующего месяца полиция не щадя сил разыскивала Сюдэя Оэ. Я со своей стороны, прибегнув к помощи Хонды, тоже пытался выяснить хоть что-нибудь об этом человеке, расспрашивал знакомых мне сотрудников газет и журналов, всех, кто только

попадался мне под руку. Но Сюдэй по-прежнему ничем не выдавал себя, будто владел каким-то волшебством.

Ладно бы еще он жил один, но ведь у него была жена. Так где же и как им двоим удавалось скрываться? Быть может, прав следователь, полагая, что они просто-напросто тайно бежали за границу?

Но тогда странно, почему после смерти г-на Коямады Сидзуко перестала получать письма от Сюдэя. Мог ли Сюдэй, напуганный преследованием полиции, отказаться от осуществления следующего этапа своего плана, а именно от убийства Сидзуко, и теперь был всецело поглощен заботой, как бы надежнее скрыться? Нет, такой человек, как Оэ, не мог не продумать всех деталей заранее. А это значило, что сейчас он находится в Токио и, затаившись, выжидает лишь удобный момент для расправы с Сидзуко.

По приказу шефа полицейского управления Касагаты один из сыщиков отправился на улицу Сакурагитё в Уэно, как в свое время поступил я, и побеседовал с жителями домов, соседствующих с домом № 32, в котором когда-то проживал Сюдэй. Поскольку этот сыщик, в отличие от меня, профана, был мастером своего дела, ему в конце концов, хотя и не без труда, удалось найти транспортную контору, которая снабдила Оэ фургоном для переезда (эта небольшая контора находится в том же районе, только на значительном отдалении от прежнего жилища Оэ), и узнать через ее владельца, куда переехал Сюдэй.

В результате длительных поисков сыщик выяснил, что, съехав с квартиры на улице Сакурагитё, Сюдэй сменил еще несколько квартир и каждый раз селился в самых захудалых районах, таких как улица Янагисиматё в квартале Хондзё и улица Сусакитё в Мукодзиме. Последним пристанищем Сюдэя служила грязная постройка барачного типа на улице Сусакитё, с двух сторон зажатая небольшими фабриками. Этот дом он снял в аренду несколько месяцев назад, однако, несмотря на то что домовладелец считал его занятым, помещение казалось совершенно нежилым, и, судя по царящему там запустению, трудно было определить, как давно дом был покинут.

Расспросы людей в округе тоже ничего не дали: как я уже говорил, жалкий домишко с обеих сторон был зажат фабричными строениями, и никакой дотошной хозяйшки, из тех, которым до всего есть дело, поблизости разыскать не удалось.

Но тут на горизонте снова возник Хонда. Изучив обстоятельства дела, он с присущей ему страстью ко всяким запутанным историям необычайно увлекся сыском и, не забыв еще о памятной встрече с Сюдэем в парке Асакуса, в свободное от работы время энергично занимался им сейчас.

Помня, что в тот день Сюдэй держал в руках рекламные листки, Хонда обошел несколько рекламных агентств вблизи парка Асакуса, чтобы выяснить, не нанимало ли какое-нибудь из них пожилого человека. Однако, к его огорчению, выяснилось, что в некоторых случаях, когда работы особенно много, эти агентства прибегают к услугам бродяг, обретающихся в парке Асакуса. Их нанимают всего лишь на один день и выдают специально броскую одежду. «Нет, человека, о котором вы спрашиваете, мы не знаем. Скорее всего, это был один из временнораемых» – так повсюду отвечали Хонде.

Тогда Хонда стал по вечерам прогуливаться по парку Асакуса, останавливаясь перед каждой скамейкой в тени деревьев, заглядывая в каждый ночлежный дом, куда сходились бродяги со всей округи. Вступая с ними в беседу, Хонда пытался выяснить, не приходилось ли им встречать человека, похожего на Сюдэя. Однако и эти его усилия не увенчались успехом. Напасть на след Сюдэя по-прежнему не удавалось.

Надо сказать, что Хонда регулярно раз в неделю заходил ко мне и рассказывал о результатах своих поисков. И вот однажды, расплывшись в улыбке подобно богу Дайкоку, он поведал мне следующее:

– Самукава-сан, в последнее время я усиленно интересовался балаганными аттракционами и обратил внимание на одну любопытную вещь. Наверное, ты знаешь, что нынче в моде аттракционы вроде «женщина-паук» или «женщина без туловища». Есть, однако, еще и «человек без головы». По большей части в этих аттракционах участвуют женщины. Так вот, в последнем случае берется прямоугольный ящик, разделенный на три отсека, и ставится на землю в вертикальном положении. В двух нижних отсеках помещаются туловище и ноги женщины, третий же вроде остается пустым. По логике вещей там должна находиться голова женщины, но ее не видно. Казалось бы, в ящике находится обезглавленный труп, однако время от времени женщина подает признаки жизни – шевелит ногами и руками. Это неприятное и одновременно эротическое зрелище. Секрет фокуса состоит в том, что в якобы пустом отсеке наклонно устанавливается самое обычное зеркало, и поэтому создается иллюзия, будто за ним ничего нет. К чему я веду речь? А к тому, что когда-то я видел подобный аттракцион на пустыре неподалеку от храма Гокоудзи. Ну, ты знаешь, о чем я говорю: к этому пустырю можно выходить прямо с моста Эдогавабаси. Так вот, в отличие от других подобных аттракционов, в нем была занята не женщина, а довольно-таки полный мужчина, одетый в грязный, залоснившийся костюм клоуна. – В этом месте Хонда на некоторое время умолк, словно пытаясь оценить, какое впечатление произвел на меня его рассказ, и затем, удостоверившись, что я слушаю его с подобающим вниманием, продолжал: – Должно быть, ход моих мыслей тебе понятен. Что и говорить, отменный способ полностью замести следы, при этом целый день находясь на глазах у публики. Ведь лица его никто не видит! Такая мысль могла прийти на ум лишь оборотню вроде Сюдэя. Кроме того, он нередко обращался к подобным аттракционам в своих произведениях, и вообще он большой любитель таких штучек.

– Ну а что дальше? – нетерпеливо прервал я Хонду. Его олимпийское спокойствие в таком вопросе, как поимка Сюдэя Оэ, начинало меня раздражать.

– Понятное дело, вспомнив об этом аттракционе, я сразу же бросился к мосту Эдогавабаси. К счастью, балаган все еще находился там. Я заплатил за вход и стал наблюдать за мужчиной, который участвовал в этом аттракционе. «Как же все-таки увидеть его лицо?» – все время спрашивал я себя. И наконец меня осенило: несколько раз в день он наверняка выходит в туалет. И вот, запасшись терпением, я стал ждать, когда ему понадобится выйти. Через некоторое время не слишком обширная программа подошла к концу и зрители стали расходиться. Я же по-прежнему терпеливо ждал. И вот наконец человек в ящике несколько раз хлопнул в ладоши.

Как раз в этот момент ко мне подошел ведущий и, объяснив, что у них сейчас перерыв, попросил меня выйти на улицу. Но странные хлопки мужчины в ящике заинтересовали меня. Обойдя балаган снаружи, я нашел в брезентовой стенке небольшую дырку. Заглянув в нее, я увидел, как ведущий помогает мужчине выбраться из ящика. Оказавшись на свободе – голова, разумеется, была у него на месте, – мужчина стремглав бросился в угол балагана и стал справлять нужду. По-видимому, хлопок в ладоши означал, что он больше не может терпеть. Ну не потеха ли? Ха-ха...

– Ты что же, пришел сюда, чтобы потешить меня забавной историей? – сердито оборвал я Хонду.

Тот сразу же сделался серьезным и сказал:

– Да нет. Дело в том, что я обознался. Опять неудача... И так все время. Просто на этом примере я хотел показать тебе, скольких трудов мне стоят эти розыски.

Разумеется, рассказ Хонды здесь можно было бы и не приводить, но он служит хорошей иллюстрацией к нашим долгим и безрезультатным поискам Сюдэя Оэ.

И все же необходимо упомянуть об одном загадочном факте, который, как мне казалось, служит ключом к разгадке всей этой таинственной истории. Речь идет о парике, обнаруженном на голове покойного г-на Коямады. Решив, что парик был куплен где-нибудь в районе Асакуса, я обошел все заведения в том районе, торгующие подобными вещами, и в конце концов в лавке

«Мацуи» на улице Тидзукатё напал на след. Здесь я нашел парик, очень похожий на тот, что был на покойном. По словам хозяина лавки, в точности такой парик он продал одному из своих заказчиков, только не Сюдэю Оэ, как я предполагал, а самому Рокуро Коямаде.

Да, судя по описаниям хозяина лавки, покупателем был не кто иной, как г-н Коямада. Более того, заказывая парик, Коямада сообщил свою фамилию, а когда парик был готов (как раз в самом конце прошлого года), сам пришел за ним. По словам хозяина лавки, г-н Коямада приобретал парик для себя, считая, что лысина его уродует. Почему же тогда Сидзуко, его жена, ни разу не видела его в парике? Сколько я ни размышлял над этой загадкой, решить ее мне не удавалось.

Что же касается моих отношений с Сидзуко (теперь она стала вдовой), то после смерти г-на Коямады они постепенно становились все более дружескими. Так уж получилось, что из советчика я вскоре превратился в покровителя этой женщины. Даже родственники покойного г-на Коямады, зная о том, сколько внимания я уделил Сидзуко, начиная с известного обследования чердака, не считали возможным меня игнорировать. К тому же следователь Итосаки, будучи довольным, что мы с Сидзуко находимся в дружеских отношениях, просил меня время от времени навещать ее и оказывать ей всяческую поддержку. Таким образом, я мог совершенно открыто бывать в доме Сидзуко.

Как я уже отмечал, Сидзуко с первой же нашей встречи прониклась ко мне чувством симпатии, как к человеку, чьи книги были любимы ею, теперь же, когда нас связали столь сложные обстоятельства, она видела во мне свою единственную опору. Подобное развитие наших отношений было вполне естественным.

Встречаясь с Сидзуко, я ловил себя на том, что отношусь к ней иначе, нежели до смерти ее мужа, – если прежде она казалась мне совершенно недоступной, то теперь страсть, таившаяся в ее белоснежном теле, прелесть ее плоти, умевшей быть одновременно и неуловимой и удивительно осязаемой, внезапно приобрели для меня реальный смысл. И уж совсем нестерпимым мое желание стало тогда, когда я случайно увидел в спальне Сидзуко небольшой хлыст заграничной работы.

Ничего не подозревая, я спросил Сидзуко:

– Ваш муж увлекался верховой ездой?

На мгновение лицо Сидзуко побледнело, затем залилось яркой краской. Едва слышно она ответила:

– Нет.

Благодаря этой своей оплошности я неожиданно узнал тайну странных красных следов на спине Сидзуко. Теперь я вспомнил, что не раз обращал внимание на то, что эти полосы время от времени принимали иную форму, что немало озадачивало меня. Но теперь... Значит, муж Сидзуко, этот добродушный лысый человек, обладал отвратительными наклонностями садиста!

Но это еще не все. Теперь, когда со дня смерти г-на Коямады прошел месяц, эти красные следы у Сидзуко исчезли. Как только я сопоставил свои наблюдения, мне уже не нужно было выслушивать объяснений Сидзуко, чтобы понять: мои предположения не могут быть ошибочными.

Но почему после этого открытия я не переставал изнывать от желания? Быть может, и во мне, к стыду моему, таились порочные наклонности, присущие покойному г-ну Коямаде?

8

Двадцатого апреля, в день поминаения Коямады, Сидзуко совершила паломничество в храм, а вечером пригласила родственников и друзей покойного мужа, с тем чтобы по буддийскому обычаю вознести молитвы духу усопшего. В числе прочих был приглашен и я. В этот

вечер произошло еще два события (хотя на первый взгляд они не имели друг к другу никакого отношения, впоследствии выяснилось, что между ними все-таки существовала некая роковая связь), которые настолько меня потрясли, что я, наверное, буду помнить их всю жизнь.

Мы с Сидзуко шли по темному коридору. После того как гости разошлись, я еще на некоторое время задержался, обсуждая с ней положение дел с розысками Сюдэя. В одиннадцать часов я поднялся – засиживаться дольше было уже неприлично (что могли подумать слуги?) – и направился к выходу, где меня уже ждало вызванное Сидзуко такси. Сидзуко пошла проводить меня до парадного. Так мы оказались с ней вдвоем в коридоре. Выходившие в сад окна коридора были открыты. Как только мы поравнялись с первым из них, Сидзуко вскрикнула и обеими руками обхватила меня.

– Что случилось? Что вы увидели?

Вместо ответа она, по-прежнему прижимаясь ко мне, одной рукой указала в сторону окна.

Вспомнив о Сюдэе, я похолодел от страха, но тут же пришел в себя: в темноте сада между шелестящими листвой деревьями бежала белая собака.

– Да это же собака! Вы напрасно испугались, – сказал я, нежно взяв ее за плечо. Но хотя бояться было уже нечего, Сидзуко по-прежнему обнимала меня. Теплота ее тела внезапно передалась мне. Неожиданно для самого себя я стиснул ее в объятиях и потянулся к губам моей Моны Лизы.

Не знаю уж, было ли это на счастье мне или на беду, но она не только не сделала ни малейшей попытки отстраниться, но, напротив, с какой-то застенчивой силой прижала меня к себе.

Случись все это не в день поминовения ее мужа, мы, наверное, не испытали бы такого острого чувства вины. В тот вечер мы не сказали друг другу больше ни слова и даже не посмели взглянуть друг другу в глаза.

Я сел в машину, но мысли мои по-прежнему были полны Сидзуко. Мои губы все еще ощущали прикосновение ее горячих губ, моя грудь, где еще бешено стучало сердце, хранила жар ее тела.

Во мне бушевали противоречивые чувства: то я готов был прыгать от счастья, то испытывал мучительные угрызения совести. Я смотрел в окно машины и ничего не видел.

И все же, как это ни странно для человека в моем положении, меня с самого начала не покидало ощущение, что в машине я вижу хорошо мне знакомую маленькую деталь. Погруженный в мысли о Сидзуко, я глядел перед собой, а эта деталь мелькала у меня перед глазами. «Почему, ну почему я все время смотрю в одну точку?» – рассеянно спрашивал я себя, и вдруг ответ был найден сам собой.

На руках у водителя, грузного сутулого мужчины в поношенном синем демисезонном пальто, сидевшего за рулем, были элегантные дорогие перчатки, совсем не вязавшиеся с его общим обликом.

От моего взгляда не могло укрыться, что это были зимние перчатки, вовсе не подходящие для апрельской погоды. А главное – кнопка, вот что больше всего меня поразило! Ба! Эта круглая металлическая деталь, которую я нашел на чердаке в доме Коямады и которая мне казалась пуговицей, была не чем иным, как кнопкой от перчатки.

Разумеется, в беседе со следователем Итосаки я упомянул о найденной мною металлической пуговице, но, во-первых, тогда у меня не было ее при себе, и, во-вторых, поскольку личность преступника была уже известна, мы со следователем не придали значения такого рода улике. Скорее всего, эта пуговица так и лежала бы у меня в кармане жилета от зимнего костюма.

То, что эта металлическая деталь может быть кнопкой от перчатки, мне и в голову не приходило. Очевидно, преступник находился на чердаке именно в этих перчатках и попросту не заметил, как кнопка оторвалась.

Но этого мало, меня ожидало еще одно поразительное открытие. На левой перчатке у водителя кнопки не было, там виднелось одно лишь металлическое гнездышко. А что, если на чердаке мною найдена кнопка от этой перчатки? Тогда...

– Послушайте, – окликнул я водителя. – Дайте мне на минутку ваши перчатки.

Не скрывая удивления от столь неожиданной просьбы, водитель все-таки притормозил и послушно подал мне перчатки.

Как и следовало ожидать, на пуговице были выгравированы знакомые мне буквы R. K. BROS CO. Теперь к владевшему мной удивлению примешалось чувство необъяснимого страха.

Отдав мне перчатки, водитель продолжал спокойно вести машину, по-прежнему не оборачиваясь, а я разглядывал его плотную фигуру, и мне в голову пришла сумасбродная мысль. Не сводя глаз с отражавшегося в зеркальце лица шофера, я внятным голосом произнес два слова: «Сюндэй Оэ...» Конечно, это было глупо с моей стороны, во-первых, потому, что выражение лица шофера абсолютно не изменилось, а во-вторых, потому, что Сюндэй Оэ никогда не стал бы действовать в духе Люпена⁴.

Когда машина остановилась перед моим домом, я щедро расплатился с водителем и еще ненадолго задержал его.

– Вы не помните, когда вы потеряли кнопку от перчатки?

– Да она с самого начала была без кнопки, – недоуменно ответил водитель. – Вообще-то, это не мои перчатки. Я получил их вроде как в подарок от покойного г-на Коямады. Наверное, без кнопки он не хотел их больше носить. Но они были еще совсем новые, вот он и отдал их мне.

– Как, сам г-н Коямада? – невольно вырвалось у меня. – Тот самый, в доме которого я сейчас был?

– Да, тот самый. Я часто возил его на работу и с работы, и он очень хорошо ко мне относился.

– И как давно вы носите эти перчатки?

– Получил я их еще зимой, но все берег, уж больно они хороши. Сегодня в первый раз их надел – старые совсем прохудились. А без перчаток плохо – руль выскальзывает из рук. Только не пойму, к чему вы ведете этот разговор?

– Послушай, не мог бы ты продать мне эти перчатки?

За соответствующую плату водитель в конце концов согласился расстаться с перчатками. Войдя в дом, я сразу же достал кнопку, найденную на чердаке, и что же? – она точь-в-точь совпала со своим гнездышком на перчатке.

Бывают же подобные совпадения! Сюндэй Оэ и Рокуро Коямада были обладателями одних и тех же перчаток. Можно ли было такое предположить?

Позднее я пошел с этими перчатками в магазин «Идзумия» на Гинзе, лучший из всех магазинов в городе, торгующих заграничными товарами. Взглянув на перчатку, хозяин магазина сказал, что в Японии подобных вещей не производят, что, скорее всего, это перчатки английского производства и что, насколько ему известно, в Японии отделений фирмы R. K. BROS CO нет. Сопоставив эти сведения с тем фактом, что г-н Коямада до сентября позапрошлого года находился за границей, я сделал вывод, что владельцем перчаток был именно он, а следовательно, и оторванная кнопка принадлежала ему. Каким же образом в руки Сюндэя

⁴ Арсен Люпен – знаменитый «благородный» разбойник; персонаж приключенческих произведений французского писателя Мориса Леблана (1864–1941).

Оэ попали перчатки, которых в Японии приобрести нельзя, причем в точности такие, как у г-на Коямады?

«Итак, что же получается?» – размышлял я, опершись о стол и обхватив голову руками. «Получается... Получается...» – то и дело повторял я, пытаясь мобилизовать все свои аналитические способности и в конце концов разрешить эту загадку.

И вдруг мне в голову пришла интересная мысль. Я подумал, что длинная узкая улица, на которой стоит дом Коямады, тянется вдоль реки Сумидагава, а стало быть, этот дом находится на самом берегу реки. Действительно, это было так, я не раз любовался рекой из окон их европейского дома, но теперь этот факт, как бы впервые осознанный, наполнился для меня новым смыслом.

У меня перед глазами вдруг возникла большая латинская буква U.

В верхнем левом конце этого U находится дом Коямады, в верхнем правом конце – дом его приятеля, к которому он ходил играть в го. А в самой нижней части U расположен мост Адзумабаси. Как мы считали до сих пор, в тот вечер г-н Коямада вышел из правой точки U, спустился до конца этого U и там был убит. Но мы совсем забыли о реке. А река течет в направлении от верхней части U к его нижней части. Тогда естественно предположить, что труп был найден не в том месте, где произошло убийство, а был отнесен течением реки к пристани у моста Адзумабаси.

Итак, труп был отнесен течением. Труп был отнесен течением. Но где же было совершено убийство?

Я все глубже и глубже погружался в трясину самых невероятных предположений.

9

На протяжении нескольких вечеров я напряженно сопоставлял факты. Я был настолько поглощен своими мыслями, что почти забыл о существовании Сидзуко – как ни странно, даже ее очарование не могло перебороть охватившие меня сомнения.

За все это время я побывал у Сидзуко лишь два раза, и то только затем, чтобы кое-что уточнить. И каждый раз, закончив разговор, я сразу же прощался с Сидзуко и спешил домой. Наверняка это озадачивало ее, и, когда она выходила проводить меня до парадного, ее одинокая фигурка выражала неподдельную тоску.

В результате пятидневных размышлений я пришел к поистине ошеломляющим выводам. Чтобы в будущем не повторяться, я приведу здесь выдержку из сохранившейся у меня докладной записки, которую я составил тогда на имя следователя Итосаки. Прийти к подобным выводам мог только автор детективных романов с присущей ему способностью фантазировать. Насколько это обстоятельство оказалось существенным, я понял позднее.

Вот эта выдержка из моей докладной записки.

«...Как только мне удалось установить, что найденная на чердаке кнопка принадлежала г-ну Коямаде, я обратил внимание на целый ряд обстоятельств, которые все это время не давали мне покоя. Я сразу вспомнил о парике, обнаруженном на мертвом г-не Коямаде, о том, что парик был заказан им самим (по причинам, о которых я скажу позже, отсутствие на трупе одежды не особенно озадачивало меня), о том, что со смертью г-на Коямады внезапно перестали приходить зловещие письма Итиро Хираты, наконец, о том, что г-н Коямада явно обнаруживал садистские наклонности, столь не вяжущиеся с его обликом (кстати, в большинстве случаев в жизни именно так и бывает). Эти и многие другие обстоятельства, на первый взгляд казавшиеся нагромождением случайностей, постепенно стали выстраиваться в один логический ряд.

Для того чтобы убедиться в правильности своих предположений, я стал искать доказательства. Прежде всего я отправился к вдове г-на Коямады и с ее разрешения осмотрел каби-

нет покойного. Ведь ничто не способно рассказать о характере и тайнах человека так, как его кабинет. Не обращая внимания на недоумение г-жи Коямады, я почти полдня возился в кабинете ее покойного мужа, внимательно осматривая содержимое книжных шкафов и ящиков. В одном из книжных шкафов я обнаружил отделение, дверца которого была заперта на ключ. Попросив ключ от этой дверцы, я узнал, что г-н Коямада носил его на цепочке от часов и никогда с ним не расставался. Так было и в день его смерти: г-жа Коямада точно помнила, что он вышел из дома, сунув часы и ключ за пояс кимоно. Поскольку иного выхода не было, я уговорил г-жу Коямаду разрешить мне взломать дверцу.

В шкафу я обнаружил дневники г-на Коямады за несколько лет, пакеты с какими-то бумагами, связку писем, книги и множество других вещей. Внимательно осмотрев эти вещи, я отложил три из них, имеющие непосредственное отношение к делу. Во-первых, дневник г-на Коямады за тот год, когда он женился на Сидзуко. За три дня до свадьбы на полях дневника красными чернилами была сделана следующая любопытная запись:

„Узнал об отношениях Сидзуко с молодым человеком по имени Итиро Хирата. Как выяснилось, со временем она к нему охладела и на все его просьбы о встречах неизменно отвечала отказом. После того как ее отец разорился, она смогла исчезнуть из его поля зрения. Вот и хорошо. Дальнейшим выяснением ее прошлого заниматься не буду“.

Выходит, что еще до свадьбы г-ну Коямаде каким-то образом удалось узнать тайну своей супруги. Но он никогда ни одним словом не обмолвился ей об этом.

Второй моей находкой был сборник рассказов Сюдэя Оэ под названием „Развлечения человека на чердаке“. Наличие подобной книги в кабинете делового человека в достаточной мере странно, не правда ли? Я просто отказывался верить своим глазам, пока г-жа Сидзуко не объяснила мне, что ее муж был большим книголюбом. В начале книги помещен фотографический портрет Сюдэя Оэ, а на последней странице, рядом с выходными данными, указано подлинное имя автора – Итиро Хирата. Полагаю, что на это следует обратить внимание.

И наконец, в-третьих, среди прочих вещей г-на Коямады мною был найден двенадцатый номер журнала „Синсэйнэн“, выходящего в издательстве „Хакубункан“. В этом номере произведений Сюдэя нет, зато на фронтисписе в натуральную величину воспроизводится почти полстраницы какой-то из его рукописей, а под репродукцией подпись: „Почерк г-на Сюдэя Оэ“. Рассмотрев эту репродукцию на свету, я заметил на меловой бумаге царапины, как бывает, когда проводишь по бумаге ногтем. Не иначе по этим строкам, подложив листок тонкой бумаги, кто-то не раз водил карандашом. Мне сделалось страшно от того, как одно за другим подтверждались мои, казалось бы, невероятные предположения.

В тот же день я попросил г-жу Коямаду показать мне перчатки, которые ее муж привез из-за границы. Поиски заняли немало времени, но в конце концов она появилась с парой перчаток, в точности таких, какие я купил накануне у водителя. Передавая их мне, она с недоуменным видом заметила, что вторую пару она не нашла.

Все эти вещественные доказательства: дневник, книгу, журнал, перчатки и кнопку, найденную на чердаке, – я могу предъявить Вам по первому же требованию.

Помимо названных, в моем распоряжении имеется еще несколько любопытных улик, на которых я остановлюсь несколько позже. Однако уже на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что г-н Рокуро Коямада был страшным человеком и что, скрываясь под маской доброго и преданного мужа, он строил чудовищные по своему коварству планы. В связи с этим возникает вопрос: не слишком ли мы увлеклись личностью Сюдэя Оэ? Не получилось ли так, что, зная о его жестоких произведениях и не укладывающемся в привычные рамки образе жизни, мы позволили себе сделать из этого единственный вывод: никто, кроме Сюдэя, не способен на такое преступление. Но чем в таком случае объяснить его бесследное исчезновение? Если исходить из того, что преступник именно он, это совершенно непонятно. Может быть, нам никак не удастся его найти именно потому, что он невиновен? Вполне вероятно, что он

скрылся из виду по причине свойственной ему мизантропии, а чем известнее он становился, тем быстрее прогрессировала в нем эта своеобразная болезнь. Возможно, как вы сами когда-то предположили, он бежал за границу. Быть может, сейчас он живет где-нибудь в Шанхае и покуривает себе трубку, пропуская дым через воду, как это делают китайцы. Если предположить, что преступник в самом деле Сюдэй Оэ, как тогда объяснить его поведение после убийства г-на Коямады? Получается, что человек, долгие годы тщательно и целенаправленно разрабатывавший свой план мести, убив г-на Коямаду, то есть выполнив задачу не первостепенной важности, вдруг ни с того ни с сего забывает о своей главной цели и все бросает. Любому, кто читал его произведения и знает о его образе жизни, подобное поведение покажется абсурдным. Существует и другое обстоятельство, еще более красноречиво свидетельствующее против нашей первоначальной версии. Как, например, Сюдэю удалось потерять на чердаке кнопку от перчатки, которая принадлежала г-ну Коямаде? Если принять во внимание, что эти заграничные перчатки в Японии не продаются, а также то, что на одной из перчаток, которые г-н Коямада отдал шоферу такси, кнопка была оторвана, то нелепо считать, будто на чердаке находился не г-н Коямада, а Сюдэй Оэ. (Здесь, правда, может возникнуть вопрос, почему г-н Коямада столь легкомысленно передал эту важную улику в руки шофера. Однако все дело в том, что с юридической точки зрения он не совершал ничего противозаконного. Пребывание на чердаке служило для него просто развлечением, хотя и несколько необычного свойства. Поэтому потерянная кнопка, пусть даже она была потеряна на чердаке, для него не имела значения. Он не чувствовал себя преступником, и поэтому ему не нужно было допытываться у себя: „Когда я потерял эту кнопку? Не на чердаке ли? Не может ли она послужить уликой против меня?“)

У меня есть и другие доказательства невиновности Сюдэя. Г-н Коямада держал уже упоминавшиеся мною дневник, книгу рассказов Оэ и журнал в запертом шкафу, а единственный ключ от шкафа всегда носил при себе, что не только позволяет подозревать г-на Коямаду в злонамеренности, но и полностью отменяет версию, по которой Сюдэй Оэ мог нарочно подбросить эти вещи в шкаф, чтобы скомпрометировать г-на Коямаду. В самом деле, подделать запись в дневнике он не смог бы, равно как не смог бы и получить доступ к шкафу.

На основании вышеизложенного можно прийти к единственному выводу: Сюдэй Оэ, он же Итиро Хирата, в виновность которого мы с такой легкостью уверовали, с самого начала не имел никакого отношения к убийству г-на Коямады.

Нас ввел в заблуждение обманчивый облик г-на Коямады. Нам трудно было представить себе, что этот респектабельный с виду господин может быть таким коварным и двуличным, что этот мягкий и преданный муж, оказываясь в своей спальне, сразу же сбрасывал с себя личину благопристойности и превращался в демона, хлеставшего несчастную Сидзуку привезенным из-за границы хлыстом. Но случаи, когда в одном человеке уживаются добропорядочный муж и коварный демон, не столь уж редки. Наверное, можно даже сказать, что чем больше в человеке мягкости и прекраснотуши, тем скорее он отдает себя во власть дьявола.

Позволю себе изложить свою точку зрения на события, связанные со смертью г-на Коямады. Четыре года назад г-н Рокуро Коямада по делам фирмы отправился за границу. За два года он побывал в Лондоне и еще в нескольких европейских столицах. По-видимому, там и расцвели пышным цветом его порочные наклонности (от его сотрудников я кое-что узнал о его любовных похождениях в Лондоне). С возвращением г-на Коямады на родину в сентябре позапрошлого года дурная привычка, уже ставшая его второй натурой, лишь усугубилась, как только он оказался рядом с беззаветно любящей его Сидзукой.

Опасность подобного рода наклонностей заключается не только в том, что от них впоследствии трудно избавиться, так же как, скажем, от пристрастия к морфию, но и в том, что с течением времени они приобретают характер прогрессирующего недуга. Подверженный им человек начинает искать все новых, еще более острых ощущений. Сегодня его уже не удовлетворяют те средства, к которым он прибегал вчера, а завтра и они оказываются недо-

статочными. Нетрудно себе представить, что в один прекрасный день г-н Коямада обнаружил, что, хлестая Сидзуко, он больше не испытывает удовлетворения. Тогда с одержимостью маньяка он ринулся на поиски новых возбудителей. Как раз в это время он услышал от кого-то о рассказе Сюдэя Оэ „Развлечения человека на чердаке“ и, заинтересовавшись его необычным названием, решил во что бы то ни стало прочесть его. И здесь он нашел близкую себе душу – человека, одержимого теми же пороками, которыми одержим и он сам. Насколько полюбилась ему эта книга, видно хотя бы по тому, что он из нее извлек. Дело в том, что в этом рассказе Сюдэй постоянно убеждает читателя в совершенно непостижимом удовольствии, которое можно испытать, незаметно подглядывая за человеком (особенно если этот человек – женщина), находящимся наедине с самим собой. Легко представить себе, сколь созвучным оказалось это откровение помыслам г-на Коямады. Подобно герою рассказа Сюдэя, он превратился в человека на чердаке и незаметно наблюдал оттуда за своей женой.

Ворота в доме Коямады находятся на почтительном расстоянии от прихожей, поэтому, входя во двор, он без особого труда, никем не замеченный прокрадывался в кладовку, оттуда проникал на чердак и оказывался как раз над комнатой жены. Я даже рискну утверждать, что в те часы, когда г-н Коямада якобы играл в го с приятелем, он на самом деле находился на чердаке.

Далее, увидев в конце книги „Развлечения человека на чердаке“ подлинное имя ее автора, г-н Коямада заподозрил, что Сюдэй и Итиро Хирата, бывший некогда любовником Сидзуко и наверняка затаивший обиду на нее, – одно и то же лицо. Тогда г-н Коямада начал собирать статьи, имеющие отношение к Сюдэю Оэ, вникать во всевозможные сплетни о нем и, таким образом, в конце концов узнал о его отношениях с Сидзуко, о том, что в повседневной жизни Сюдэй болезненно сторонился людей, и о том, что в последнее время он вовсе перестал писать и куда-то исчез. Итак, в книге „Развлечения человека на чердаке“ г-н Коямада одновременно отыскал и близкую себе душу, одержимую теми же порочными страстями, что свойственны и ему, и бывшего любовника своей жены, к которому он не мог не испытывать ревность и неприязнь. Вот на какой почве у него созрела мысль сыграть свою злую шутку.

Идея тайного подсматривания за женой, безусловно, заинтересовала его, однако для человека с садистскими наклонностями одного этого было мало. С изощренной изобретательностью больного он принялся искать нового, более действенного, более жестокого способа удовлетворения своей чувственности, способного заменить хлыст.

Так он пришел к мысли разыграть спектакль со зловещими „письмами“ Итиро Хираты. У него оказался журнал „Синсэйнэн“ с фотографией рукописи Сюдэя. Чтобы сделать этот спектакль еще более интересным и достоверным, он стал методично изучать по этой фотографии почерк Сюдэя. Об этом свидетельствуют вмятины от карандаша на репродукции.

Свои письма г-н Коямада отправлял через определенные промежутки времени, причем из разных почтовых отделений. Это не представляло для него особой сложности: ему приходилось постоянно разъезжать на машине по делам фирмы. Что же касается содержания писем, то в газетах и журналах он мог почерпнуть достаточно сведений о Сюдэе, а подробности о жизни Сидзуко он знал из своих наблюдений с чердака. К тому же он как-никак был мужем Сидзуко. Он, конечно, помнил, что и как говорила Сидзуко в минуты супружеской близости, а позднее все это описывалось в письмах, якобы от Сюдэя. Поистине дьявольская уловка! Присвоив себе чужое имя, он предавался преступному развлечению, посылая жене леденящие душу письма, и одновременно испытывал злорадство, наблюдая с чердака за тем, с каким трепетом их читала Сидзуко. При этом он, однако, не забывал и о хлысте! Почему я так считаю? А потому, что лишь после смерти г-на Коямады у Сидзуко перестали появляться кровавые следы. Однако не следует думать, будто г-н Коямада истязал свою жену из чувства ненависти к ней. Напротив, он прибегал к такой жестокости именно потому, что без памяти любил ее. Такова уж психология людей с извращенными сексуальными наклонностями, и Вам это хорошо известно.

Вот, собственно, и все мои доводы в пользу того, что сочинителем и отправителем страшных писем был не кто иной, как Рокуро Коямада. Теперь возникает вопрос: каким образом все эти, казалось бы, невинные развлечения психически неполноценного человека повлекли за собой столь трагическую развязку? Почему они окончились плачевно прежде всего для самого г-на Коямады? Как случилось, что он, голый, в парике, оказался в воде у моста Адзумабаси? Кто, наконец, нанес ему раны? Если считать, что Сюдэй Оэ не имел отношения к этому происшествию, смерть г-на Коямады должна объясняться какими-то иными причинами. Позволю себе поделиться с Вами своими соображениями на этот счет.

Мне кажется, что в этом деле не было ни преступления, ни убийцы: г-н Коямада погиб всего лишь по вине несчастного случая. Быть может, боги прогневались на него за все его прегрешения, и его постигла кара небесная.

„Но как же тогда быть с тяжелыми ранами, обнаруженными на его спине?“ – спросите Вы. К этому вопросу я еще вернусь, здесь же мне хочется рассказать по порядку, на каком основании у меня возникло вышеизложенное предположение.

Толчком к этой догадке послужил парик г-на Коямады. Наверное, Вы помните, что семнадцатого марта, то есть на следующий день после моего обследования чердака, Сидзуко перенесла спальню на второй этаж европейского дома. Я не знаю, каким образом ей удалось убедить мужа в целесообразности подобного шага и почему г-н Коямада счел возможным согласиться с ней, но, как бы то ни было, с того дня он лишился возможности наблюдать за Сидзуко с чердака. Однако можно представить, что к тому времени это занятие уже успело ему наскучить. Быть может, благодаря этой перемене он придумал новую хитроумную забаву. Вот тут-то я и подумал о парике, который был заказан им самим. Поскольку этот парик был приобретен еще в конце прошлого года, поначалу он, по-видимому, предназначался для каких-то иных целей, но теперь оказался как нельзя более кстати.

В книге „Развлечения человека на чердаке“, как я уже упоминал, имеется фотографический портрет Сюдэя. В отличие от лысого г-на Коямады, Сюдэй на этом снимке, сделанном в молодости, предстает с пышной шевелюрой.

Поэтому если г-н Коямада задумал продвинуться дальше в сравнении с запугиванием Сидзуко письмами и подглядыванием за ней с чердака, если он решил испытать новое удовольствие – показаться в окне спальни Сидзуко в обличье Сюдэя, то ему прежде всего было необходимо замаскировать главную свою примету – лысину. Тут-то и пригодился парик. В парике он мог не беспокоиться, что объятая страхом Сидзуко его узнает: во-первых, темнота надежно скрывала его лицо, а во-вторых, ему не обязательно было торчать в окне долго (именно мгновенность его появления в окне сулила наибольший эффект).

Ночью девятнадцатого марта г-н Коямада вернулся от своего приятеля из Коумэ. Калитка была еще не заперта, и он, чтобы слуги его не заметили, прямо из сада потихоньку пробрался в свой кабинет на первом этаже (как рассказала мне Сидзуко, ключ от кабинета, равно как и ключ от упомянутого мной книжного шкафа, он всегда носил при себе). Стараясь двигаться бесшумно, чтобы его не услышала жена, он надел парик и выскользнул в сад. Затем залез на дерево, а оттуда перебрался на карниз и таким образом подкрался к окну спальни. По времени это совпадает с рассказом Сидзуко об увиденном ею в окне человеческом лице.

Итак, нам осталось лишь выяснить причину гибели г-на Коямады. Но прежде чем сказать об этом, я должен хотя бы вкратце обрисовать место происшествия, где я специально побывал во второй свой визит к Сидзуко после того, как начал подозревать г-на Коямаду. Я не стану пускаться в пространные описания, поскольку у Вас есть возможность побывать там самому и осмотреть все это собственными глазами. Скажу лишь о самом важном. Окно спальни выходит на реку Сумидагава. Сразу под окном начинается бетонный забор, который упирается в довольно высокую скалу. Из соображений экономии забор построен таким образом, что заканчивается у основания скалы. От верхней части забора до поверхности воды примерно

четыре метра, а от забора до окна на втором этаже – около двух метров. Можно предположить, что, передвигаясь по карнизу (а он, надо сказать, чрезвычайно узкий), г-н Коямада случайно оступился и полетел вниз. В лучшем случае он мог упасть на землю между домом и забором (несмотря на то что забор построен почти вплоты к дому, там оставался вполне достаточный зазор), в противном случае он должен был сорваться прямо в реку. Судя по всему, с г-ном Коямадой произошло последнее.

Как только я выяснил направление течения реки, мне стало ясно, что г-н Коямада упал в воду не в том месте, где был обнаружен труп, какое-то время его течением несло вниз по реке. Мне было известно, что дом г-на Коямады выходит на реку и что мост Адзумабаси расположен ниже по течению. Поэтому я убежден, что г-н Коямада упал в реку, сорвавшись с карниза собственного дома. Однако многое еще оставалось для меня загадкой, ведь г-н Коямада умер не от падения в воду, а от нанесенных ему ран.

И вот неожиданно мне на память пришел один эпизод, описанный Мокусабуру Намбой в его книге „Новейшие принципы раскрытия преступлений“. Случай с г-ном Коямадой как раз напоминает о нем. Я часто обращаюсь к этой книге, когда работаю над своими детективными произведениями, и поэтому хорошо помню ее содержание. Вот что описывается в этой книге:

В середине мая 1917 года в городе Оцу префектуры Сига к волнорезу, построенному паровой компанией на озере Тайко, прибило труп мужчины. На голове трупа были обнаружены раны, нанесенные каким-то острым предметом. Патологоанатом вынес заключение, что смерть наступила в результате черепных ран. В то же время, поскольку в брюшной полости трупа была обнаружена вода, врач пришел к заключению, что сразу после убийства труп был сброшен в воду. Все это дало основание считать данное происшествие уголовным преступлением и начать следствие. Но поскольку личность потерпевшего установить не удалось, следствие топталось на месте. Через несколько дней, однако, в полицейское управление Оцу поступило заявление от одного ювелира по фамилии Сайто, проживавшего на улице Дзё-фукудзи-дори в городе Киото. В нем сообщалось об исчезновении его служащего Сигэдзо Кобаяси, двадцати трех лет от роду, который служил продавцом в его ювелирном магазине. Поскольку внешность и одежда убитого соответствовали описанию ювелира, его сразу же вызвали в полицейское управление и предложили опознать труп. В результате не только выяснили личность убитого, но и установили, что он вовсе не был убит, а покончил жизнь самоубийством. Сайто показал, что перед своим исчезновением покойный оставил записку, в которой признавался в растрате крупной суммы хозяйских денег и сообщал о своем намерении покончить с собой. Что же касается обнаруженных на голове ран, то они были нанесены гребным винтом парохода, с кормы которого самоубийца бросился в озеро.

Не вспомни я об этом происшествии, мне, наверное, никогда не пришло бы в голову связывать гибель г-на Коямады со сходными причинами. На первый взгляд они действительно могут показаться маловероятными, однако во многих случаях реальность оказывается сложнее и запутаннее самых нелепых фантазий. Разве в реальной жизни не случается порой совершенно невероятное и невообразимое? Разумеется, я далек от мысли считать, что г-н Коямада тоже был задет гребным винтом какого-нибудь судна, ведь по реке Сумидагава в час ночи пароходы не ходят, да и вскрытие показало, что г-н Коямада не утонул.

Тогда каким образом на спине г-на Коямады появились эти глубокие порезы? Чем они нанесены? Ответ прост: осколками стекла на заборе. Должно быть, Вы и сами заметили, что эти осколки натканы по всему забору. В некоторых местах они довольно крупные и вполне могли послужить причиной глубоких ран, какие были обнаружены на теле г-на Коямады. Падая с карниза, он с силой ударился о забор и тяжело поранился об эти осколки. Этим же объясняется и происхождение прочих, незначительных порезов по соседству с глубокими ранами.

Итак, г-н Коямада оказался сам во всем виноват и постыдно погиб из-за собственных порочных наклонностей. Оступившись, он сорвался с карниза, упал на забор и, получив смер-

тельные раны, свалился в реку, а течение отнесло его труп к туалету на пристани у моста Адзумабаси.

Этим в основном и исчерпываются мои соображения в связи с делом о смерти г-на Коямады. К сказанному мне остается добавить лишь несколько слов в связи с тем, что покойный был найден почти голым. Дело в том, что в окрестностях Адзумабаси всегда околачивается всякий сброд: бродяги, нищие, воры. Поскольку на г-не Коямаде в тот вечер была дорогая одежда (шелковое авасэ и добротная накидка-хаори), да к тому же при нем были серебряные карманные часы, кто-нибудь из этих людей, воспользовавшись тем, что в ночное время тогда никого поблизости не было, снял эти вещи с трупа. (Примечание: это мое предположение впоследствии подтвердилось – один бродяга был задержан с поличным.)

Наконец, может возникнуть вопрос: почему находившаяся в спальне Сидзуко не слышала шума от падения тела в воду? Но, во-первых, нельзя забывать, что она была смертельно напугана, во-вторых, окно в доме, построенном, кстати сказать, из бетона, было плотно закрыто, и, в-третьих, это окно находится на значительном удалении от поверхности воды. Кроме того, даже если бы Сидзуко и услышала всплеск, она легко могла принять этот звук за шум весел какой-нибудь груженной лодчонки, которые иногда среди ночи проплывают здесь по реке. В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что расследуемое Вами дело не имеет ничего общего с преступлением и, строго говоря, сводится к шутке, хотя последняя и повлекла за собой трагическую смерть г-на Коямады в результате несчастного случая. Подчеркиваю: именно несчастного случая, потому что иначе невозможно объяснить странное поведение г-на Коямады, который передал в руки шофера уличающую его перчатку, заказал на собственное имя парик и оставил в книжном шкафу несомненные доказательства своей вины...»

Возможно, выдержка из моей докладной записки получилась слишком длинной, однако я все-таки рискнул ее здесь привести, потому что без знания этих моих соображений невозможно понять всего того, о чем пойдет речь ниже.

Итак, в своей докладной записке я пришел к выводу, что Сюдэй Оэ с самого начала не имел отношения к загадочной смерти Рокуро Коямады. Но так ли было на самом деле? Если да, то сведения о нем, которые я изложил в первой части своих записок, теряют всякий смысл.

10

Судя по записи в моем дневнике, докладную записку я составил двадцать восьмого апреля. Однако, прежде чем отнести ее следователю, я решил дать возможность Сидзуко ознакомиться с ней. Мне хотелось, чтобы она наконец успокоилась и поняла, что бояться угроз Сюдэя Оэ больше нет оснований. С этим намерением на следующий день я и отправился к Сидзуко. С тех пор как я начал подозревать г-на Коямаду, я посетил Сидзуко дважды, производя в ее доме нечто вроде обыска, но до сих пор своими соображениями с ней не делился.

Как раз в это время решался вопрос о разделе имущества покойного г-на Коямады, и Сидзуко изо дня в день осаждали родственники. Оказавшаяся почти беспомощной под натиском обрушившихся на нее новых хлопот, она встретила меня с нескрываемой радостью, как будто мое появление снимало с нее бремя всех забот и проблем.

Как только Сидзуко, как обычно, провела меня в свою комнату, я сразу же, без предисловий, сказал ей:

– Сидзуко-сан, теперь вам не о чем больше тревожиться. Сюдэй Оэ с самого начала был в этом деле ни при чем.

Это мое заявление озадачило Сидзуко. Конечно же, она ничего не могла понять. Тогда я достал свою докладную записку и принялся читать ее вслух в той же манере, в какой нередко читал друзьям свой новый детективный рассказ. Во-первых, мне не терпелось успокоить Сидзуко, посвятив ее в суть дела, а во-вторых, мне было интересно узнать ее мнение

о записке, с тем чтобы исправить неточности в моих рассуждениях, если там они будут обнаружены.

Конечно, читать Сидзуко те страницы, где говорилось о садистских наклонностях г-на Коямады, было с моей стороны жестоко. И верно, Сидзуко при этом густо краснела и, казалось, готова была сквозь землю провалиться со стыда. Когда я перешел к рассуждениям о перчатке, она заметила:

– Да, я хорошо помню, что должна быть еще одна пара, и никак не могу понять, куда она запропастилась.

Мое предположение о том, что г-н Коямада погиб в результате несчастного случая, она встретила с заметным удивлением, но ничего не сказала, лишь слегка побледнела.

Когда я кончил читать, она задумчиво протянула: «Да-а...» – и надолго погрузилась в свои мысли. Постепенно на лице ее стало проступать чуть заметное выражение умиротворенности. Казалось, узнав о том, что письма Сюндэя были подделкой и что теперь ей не нужно опасаться за свою жизнь, она впервые за долгие месяцы обрела душевное спокойствие. Кроме того, я подумал (да будет прощено мне это эгоистичное предположение!), что, узнав об отвратительных поступках г-на Коямады, она избавилась от угрызений совести из-за запретного чувства ко мне.

– Так вот, значит, как он меня истязал, а я-то, я... – наконец проговорила Сидзуко, и в этих ее словах чувствовалась радость женщины, увидевшей возможность оправдать себя в собственных глазах.

Было время ужина, Сидзуко вдруг засуетилась и, достав вино и закуски, принялась угощать меня. Я же, довольный тем, что моя докладная записка не вызвала никаких возражений с ее стороны, только и делал, что подставлял свой бокал всякий раз, как она предлагала мне налить еще. Я быстро пьянею. Вот и тогда вино вскоре ударило мне в голову, только, вопреки обыкновению, я почему-то впал в меланхолическое настроение и принялся молча разглядывать сидящую передо мной женщину.

Сидзуко выглядела довольно изможденной, но это не лишало ее обычной привлекательности. Бледность была природным свойством ее кожи, и в теле ее по-прежнему таилась грациозная и упругая сила. Она всегда словно светилась изнутри, и это непостижимое очарование не было утрачено ею. Контурсы ее фигуры в кимоно из старинной фланели казались мне, как никогда прежде, обворожительными. Глядя на выразительные линии ее рук и ног, скрытых колеблющейся при каждом движении тканью, я мысленно дорисовывал все остальное.

Пока мы с Сидзуко вели рассеянную беседу, в моей затуманенной голове созрел сумасшедший замысел. Он состоял в том, чтобы снять какой-нибудь уединенный домик, который стал бы местом наших тайных встреч с Сидзуко.

Едваждавшись ухода прислуги, я привлек к себе Сидзуко и стал покрывать ее лицо поцелуями. Сжимая ее в объятиях и ощущая через ткань тепло ее тела, я на ухо шептал ей о только что созревшем у меня замысле. Слушая меня, Сидзуко не только не пыталась отстраниться, но, напротив, согласно кивала головой.

Как описать наши встречи, эти двадцать дней блаженства, пролетевшие словно в бреду?

Я снял небольшой домик в Нэгиси, по виду напоминающий старинный амбар, и договорился, чтобы в наше отсутствие за ним следила старушка из соседней лавчонки, торгующая дешевыми сладостями. Этот домик и стал местом наших упоительных свиданий. Мы заранее улаживались с Сидзуко о встрече и приходили туда, как правило, в дневное время. Здесь, в этом домике, я впервые изведаль, что значит яростная, неистовая страсть женщины.

Впрочем, здесь не место углубляться в мои любовные перипетии. Когда-нибудь я напишу об этом отдельную книгу, сейчас же ограничусь рассказом о любопытном факте, который узнал от Сидзуко в одну из наших встреч.

Речь идет о парике г-на Коямады. Оказывается, он стыдился своей лысины и не хотел показываться жене в столь неприглядном виде. Поэтому он и решил приобрести парик. Когда он поделился своим намерением с Сидзуко, та со смехом принялась его отговаривать, но он заупрямился, точно ребенок, и сделал по-своему.

– Почему вы до сих пор молчали об этом? – спросил я Сидзуко.

– Но мне было неловко рассказывать о таких вещах, – ответила она.

После двадцати дней наших тайных встреч с Сидзуко я подумал, что не появляться долее в ее доме неприлично, и как-то раз с невинным видом явился в ее гостиную. Проведя с ней час в самых что ни на есть благопристойных беседах, я вызвал такси и поехал домой. По неожиданному стечению обстоятельств шофером оказался тот самый Миндзо Аоки, у которого я когда-то купил перчатки. И вот из-за этой случайной встречи я снова погрузился в, казалось бы, навсегда оставивший меня кошмар.

Если не считать перчаток, все было таким же, как месяц назад: и руки, лежащие на баранке, и старое синее демисезонное пальто (оно было надето прямо на рубашку), и напряженные плечи, и ветровое стекло, и зеркальце над ним.

Я вспомнил, как в прошлый раз, решив испытать водителя, произнес: «Сюндэй Оэ». И в моей голове сразу же всплыли и лицо Оэ на фотографии, и зловещие его произведения, и воспоминания о его странном образе жизни. В конце концов у меня даже возникло ощущение, что Сюндэй сидит рядом со мной в машине. Неожиданно для самого себя я вдруг обратился к шоферу:

– Послушайте, Аоки, когда вам все-таки подарил перчатки г-н Коямада?

– Что? – В точности как месяц назад, шофер повернулся ко мне и с тем же изумленным выражением лица произнес: – Как вам сказать? Точно помню, что в прошлом году, в ноябре... Постойте, постойте, как раз в тот день я получил зарплату и еще подумал, что в этот день мне часто делают подарки. Значит, это было двадцать восьмого ноября. Точно, ошибки быть не может.

– Так, значит, двадцать восьмого ноября... – повторил я за ним, как в забыты.

– Не пойму я что-то, почему эти перчатки не дают вам покоя. Может, какая история с ними связана?

Не отвечая на его вопрос, я всматривался в небольшое пятнышко на ветровом стекле. Мы, должно быть, проехали четыре или пять кварталов, а я все так и сидел, погруженный в свои мысли. Вдруг я встрепенулся и, тронув водителя за плечо, чуть ли не закричал:

– Послушайте, это было в самом деле двадцать восьмого ноября? Вы сможете повторить это на суде?

Водитель забеспокоился.

– На суде, говорите? Видать, дело серьезное. Но перчатки я получил точно двадцать восьмого. У меня и свидетель есть, мой помощник. Он видел, как я получал эти перчатки. – Аоки отвечал обстоятельно, видимо понимая, сколь важен для меня его ответ.

– Знаете что, поворачивайте назад! – приказал я шоферу, и тот, явно перепугавшись, послушно развернул машину.

Подъехав к дому Коямады, я выскочил из машины и вбежал в переднюю. Схватив за руку служанку, я без всяких предисловий выпалил:

– Скажите, верно, что в конце прошлого года в этом доме снимались и мылись щелоком все потолочные перекрытия? – Как я уже говорил, об этом мне стало известно со слов Сидзуко в тот день, когда я поднимался на чердак.

Служанка наверняка решила, что я спятил. Смерив меня недоверчивым взглядом, она сказала:

– Да, верно. Только не щелоком, а обычной водой. Мы приглашали специального человека. Это было как раз двадцать пятого декабря.

– А что, потолки мылись во всех комнатах?

– Да, во всех.

В это время в прихожей появилась Сидзуко, по-видимому услышавшая наш разговор.

– Что случилось? – спросила она, с тревогой глядя мне в лицо.

Я повторил ей свои вопросы, и она ответила на них точно так же, как служанка. Наскоро откланявшись, я снова сел в машину и велел везти меня домой. Удобно устроившись на мягком сиденье, я принялся мысленно рассуждать.

Итак, двадцать пятого декабря в доме Коямады во всех комнатах снимали и мыли потолочные перекрытия. Кнопка, найденная мною на чердаке, вне всякого сомнения, была от перчаток, принадлежавших г-ну Коямаде. Тогда выходит, что эта кнопка оторвалась от перчатки прежде, чем попала на чердак. О чем же говорит этот факт, по своей загадочности сопоставимый разве что только с теорией Эйнштейна?

На всякий случай я побывал в гараже у Миндзо Аоки и побеседовал с его помощником. Тот подтвердил, что перчатки были получены именно двадцать восьмого ноября. Повидался я и с подрядчиком, который производил уборку в доме Коямады. Он назвал мне ту же дату, что и Сидзуко со служанкой, а именно двадцать пятого декабря. Он также заверил меня, что тщательно снимал все потолочные перекрытия и никаких, даже самых мелких предметов на чердаке остаться не могло.

Для того чтобы, вопреки очевидной софистике, утверждать, что кнопка была оставлена на чердаке именно г-ном Коямадой, приходится сделать следующее единственное допущение. А именно: оторвавшаяся от перчатки кнопка осталась в кармане г-на Коямады. Не подозревая об этом, он отдал перчатки своему шоферу. Спустя по меньшей мере месяц, а еще более вероятно – три месяца (ведь угрожающие письма начали приходить в феврале), г-н Коямада поднялся на чердак, кнопка выпала у него из кармана и таким окольным путем оказалась на чердаке.

Однако странно, что кнопка от перчатки осталась не в кармане пальто, а в пиджаке. (В самом деле, перчатки чаще всего держат в кармане пальто. Предположение же, что г-н Коямада поднимался на чердак в пальто, абсурдно. Впрочем, и костюм не вполне подходит для такого случая.) Кроме того, стал бы такой богатый человек, как г-н Коямада, зимой ходить в том же костюме, который носил в ноябре? Передо мной вновь возникла зловещая тень чудовища во мраке – Сюдэя Оэ.

А что, если меня ввела в заблуждение одиозная личность г-на Коямады (материал, поистине достойный современного детективного романа)? Тогда, быть может, г-н Коямада не погиб в результате несчастного случая, а был убит?

Сюдэй Оэ... Что и говорить, прочно вошел в мою жизнь этот загадочный призрак.

Стоило сомнению поселиться в моей душе, как все события сразу же предстали передо мной в ином свете. Если задуматься, просто смешно, с какой легкостью я, всего лишь писатель-фантаст, пришел к выводам, изложенным в моей докладной записке. К счастью, я еще не успел переписать ее набело: во-первых, меня не покидало чувство, что в ней что-то не так, а во-вторых, все это время моя голова была занята Сидзуко. Но теперь это обстоятельство играло мне на руку.

Если основательно вникнуть в существо дела, в нем окажется слишком много улик. Они буквально поджидали меня на каждом углу, так и просились в руки. А ведь не кто иной, как Сюдэй, писал, что именно в том случае, когда имеешь дело с избытком улик, следует настояться.

Прежде всего, нельзя признать убедительным мое утверждение, будто г-н Коямада писал угрожающие письма Сидзуко, ловко подделывая почерк Сюдэя. Еще Хонда говорил мне, что воспроизвести своеобразный стиль Сюдэя очень трудно. Это было тем более не под силу г-ну Коямаде, дельцу, весьма далекому от литературных занятий.

Тут я вспомнил о рассказе Сюндэя под названием «Почтовая марка», в котором повествуется о том, как страдающая истерией жена какого-то профессора медицины из ненависти к мужу подстроила все таким образом, что на него пало подозрение в убийстве. Уликой послужило написанное профессором письмо, в котором он подделывает почерк своей жены. Я подумал о том, что в деле Коямады этот Сюндэй мог прибегнуть к аналогичному средству, рассчитывая заманить свою жертву в ловушку.

В известном смысле в этом деле многое как бы взято из собрания сочинений Сюндэя Оэ. Так, подсматривание с чердака и роковая кнопка перенесены в действительность из рассказа «Развлечения человека на чердаке», копирование почерка Сюндэя дублирует уловку героини «Почтовой марки», а следы на спине Сидзуко с той же очевидностью внушают мысль о сексуальных извращениях, как и в соответствующем эпизоде из рассказа Сюндэя «Убийство в городе В». Да что ни возьми: и порезы на теле Коямады, и его труп в туалете на пристани – все детали этого дела явственно свидетельствуют о почерке Сюндэя.

Но не слишком ли очевидна эта цепь совпадений? С начала и до конца над всеми событиями реял призрак Сюндэя Оэ. Мне даже казалось, что и свою докладную записку я составлял, неосознанно следуя его замыслу. Уж не вселилась ли в меня воля этого Сюндэя?

Не разум, а интуиция мне подсказывала, что где-то Сюндэй все-таки должен быть. Я даже видел холодный, колющий блеск его глаз. Да, но где же?

Обо всем этом я размышлял, лежа поверх одеяла на кровати в своей комнате. В конце концов, устав от всех этих неразрешимых вопросов, я заснул. А когда проснулся, меня осенила ошеломляющая догадка. Несмотря на то что на дворе стояла ночь, я бросился звонить Хонде.

– Послушай, ты говорил мне, что у жены Сюндэя круглое лицо, – закричал я в трубку, как только Хонда подошел к телефону. Некоторое время на другом конце провода царил молчание, – видно, Хонда не сразу узнал меня спросонья.

– Да, – наконец откликнулся он.

– Скажи, она носит европейскую прическу?

– Да.

– И ходит в очках?

– Да.

– И у нее есть золотые коронки?

– Есть.

– Она страдает от зубной боли, не так ли? И часто приклеивает к щеке болеутоляющий пластырь.

– Все верно. Ты что, встречался с ней?

– Нет, мне рассказали их бывшие соседи с улицы Сакурагитё. Скажи, пожалуйста, когда ты встречался с ней, у нее по-прежнему болели зубы?

– Да, видно, у нее от природы больные зубы.

– Ты не помнишь, пластырь у нее был на правой щеке?

– Точно не помню, но кажется, на правой.

– А тебе не кажется странным, что молодая женщина, к тому же причесанная на европейский манер, лечит зубы таким старозаветным способом? Сейчас уже никто не пользуется пластырем.

– Да, пожалуй, это несколько странно. А почему ты, собственно, спрашиваешь об этом? Неужели тебе удалось напасть на след?

– Кажется, удалось. На днях мы подробно потолкуем с тобой обо всем.

Поговорив с Хондой и убедившись в достоверности известных мне фактов, я сел к столу и до самого утра чертил на бумаге геометрические условные фигуры, знаки и формулы, так что со стороны могло показаться, что я решаю какую-то задачу по математике. Чертил и вымарывал. Чертил и вымарывал.

11

В течение трех дней Сидзуко не получала от меня писем с просьбой о встрече и в конце концов, не выдержав, сама прислала записку, в которой назначила мне свидание в три часа на следующий день. В этой записке были такие строки: «Быть может, узнав о том, сколь я порочна, Вы охладели ко мне и стали избегать меня?» Как это ни странно, мне не хотелось спешить разуверить ее. Мне была нестерпима сама мысль, что я должен ее увидеть. И все-таки на следующий день я отправился в Нэгиси.

Было начало июня. Как всегда в преддверии дождливого сезона, низко над головой висело хмурое небо, стояла невыносимая, душлимая жара. Пройдя три-четыре квартала от трамвайной остановки, я почувствовал, как весь покрылся испариной и как взмокла моя шелковая рубашка.

Сидзуко уже ждала меня, сидя на кровати в нашем прохладном амбаре. Здесь, в этой комнате на втором этаже, полы были застелены ковром, в некотором отдалении от кровати стояли кресла, на стенах висело несколько больших зеркал. Сидзуко не жалела денег, чтобы украсить место наших встреч, и не обращала внимания на мои попытки урезонить ее.

На Сидзуко было роскошное летнее кимоно из тонкого шелка с черным атласным поясом, расшитым листьями павловнии. Эта одежда и традиционная прическа, весь облик этой женщины, следовавшей вкусам старого Эдо⁵, поразительно контрастировали с европейским антуражем комнаты.

Одного взгляда на блестящие душистые волосы этой женщины, которая и после смерти мужа продолжала так же старательно заботиться о своей прическе, было достаточно, чтобы вспомнить, как в минуты страсти рассыпался этот пучок, как раскидывались в разные стороны верхние пряди и как обвивались вокруг ее шеи выбившиеся из прически локоны. Бывало, перед возвращением домой она не меньше получаса проводила у зеркала, приводя в порядок спутавшиеся волосы.

Как только я вошел в комнату, Сидзуко обратилась ко мне с вопросом:

– Почему вы в тот раз вернулись и спрашивали об уборке в моем доме? Вы были так взволнованы. Потом я долго размышляла над этим, но до сих пор ничего не могу понять.

– Не можете понять? Это вы-то не можете понять? – воскликнул я, снимая пиджак. – Странно, ничего не скажешь. Я совершил ошибку, нелепую ошибку, понимаете? Потолочные перекрытия в вашем доме мыли в конце декабря, а кнопка с перчатки г-на Коямады была утеряна за месяц до этого. Он отдал свои перчатки шоферу двадцать восьмого ноября, причем на одной из них кнопка уже отсутствовала. Следовательно, она оторвалась двадцать восьмого ноября. Вот что получается.

– Подумать только... – испуганно отозвалась Сидзуко и затем добавила с таким видом, будто все еще не могла уловить сути дела: – Значит, кнопка оказалась на чердаке уже после того, как оторвалась от перчатки.

– Мало того что после. Вся загвоздка состоит в том, что она оторвалась не тогда, когда г-н Коямада поднимался на чердак. Если бы кнопка отлетела от перчатки на чердаке да так там и осталась, все было бы просто и понятно. Но ведь она появилась на чердаке по крайней мере месяц спустя после того, как оторвалась от перчатки. А это уже труднее объяснить, не правда ли?

– Да, – задумчиво произнесла Сидзуко. Лицо ее было бледно.

⁵ Эдо – старое название Токио.

– Конечно, можно предположить, что кнопка осталась в пиджаке г-на Коямады и выпала в то время, когда он находился на чердаке. Но я сомневаюсь, чтобы ваш муж в начале зимы ходил в той же одежде, что и в ноябре.

– Вы правы. Муж придавал большое значение одежде и перед Новым годом всегда одевался в зимний костюм.

– Ну вот видите. Это предположение в самом деле маловероятно.

– Да. Но тогда выходит, что Хирата... – Эту фразу Сидзуко не закончила.

– Вот именно. В этом деле слишком заметен почерк Сюдэя, и моя докладная записка нуждается в серьезных поправках. – Я коротко изложил Сидзуко свои соображения о том, что все это дело напоминает собрание сочинений Сюдэя Оэ, что в нем присутствует чересчур много улик, что от них так и веет подлогом. – Быть может, вам это невдомек, – продолжал я, – но образ жизни Сюдэя действительно не укладывается ни в какие рамки. Почему он не допускает к себе посетителей? Почему избегает встречи с ними, то переезжая на другую квартиру, то отправляясь в путешествие, то сказываясь больным? Почему, наконец, он снимает дом на улице Сусакитё в Мукодзиме, вносит арендную плату, но так и не поселяется в нем? Сколь ни сильна в нем склонность к мизантропии, все равно это выглядит странным. Станным, если только все это не нужно ему было для подготовки к убийству.

Я сидел на кровати рядом с Сидзуко. Как только я заговорил об убийстве, Сидзуко в страхе теснее придвинулась ко мне и до боли сжала мою руку.

– Если разобраться, я был всего лишь марионеткой в его руках. Он подбрасывал мне ложные улики, я же слепо принимал их на веру. Одним словом, я послушно играл отведенную мне им роль. Ха-ха-ха! – засмеялся я над самим собой. – Сюдэй – страшный человек. Понимая ход моих мыслей, он любезно снабжал меня соответствующими уликами. Нет, такое дело не по зубам профанам вроде меня. Будь я не писателем, склонным к скоропалительным заключениям, а профессионалом-следователем, я не блуждал бы вокруг да около, не выдвигал бы сумасбродных идей. Однако, если все же считать, что преступником является Сюдэй Оэ, возникает множество несообразностей. Все эти несообразности, затрудняющие расследование, проистекают от принятой мною посылки, что Сюдэй Оэ – законченный злодей. Несообразности, о которых я говорю, в конечном счете требуют ответа на два вопроса. Во-первых, почему угрожающие письма Сюдэя перестали приходить сразу же после смерти г-на Коямады? И во-вторых, каким образом в книжном шкафу г-на Коямады оказались уличающие его дневник, сборник рассказов Сюдэя и журнал «Синсэйнэн»? Эти две вещи никак не согласуются с версией, по которой преступником является Сюдэй. Хорошо, предположим, что приписка на полях в дневнике г-на Коямады была сделана рукой Сюдэя, предположим даже, что сборник его рассказов и журнал «Синсэйнэн» были специально подброшены в шкаф, но ведь все равно остается необъяснимым, как ему удалось завладеть ключом от шкафа, который г-н Коямада всегда носил при себе. Да и как смог Сюдэй пробраться незамеченным в его кабинет? На протяжении трех последних дней я ломал над этим голову и в результате, как мне кажется, нашел единственно правильное решение головоломки. Поскольку это дело насквозь проникнуто идеями, почерпнутыми из книг Сюдэя, я подумал, что внимательное изучение их даст мне ключ к разгадке тайны, и перечитал все его произведения. Кроме того, я вспомнил, что мой приятель Хонда из издательства «Хакубункан» однажды встретил Сюдэя в парке Асакуса в странном виде: на нем был красный колпак и шутовской наряд, а в руках он держал пачку рекламных листов. Позднее, наводя справки в рекламных агентствах, Хонда выяснил, что они нередко прибегают к услугам бродяг. Итак, Сюдэй затесался в среду бродяг в парке Асакуса. Не напоминает ли вам все это «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» Стивенсона? Обратив на это внимание, я решил отыскать нечто подобное среди рассказов Сюдэя и обнаружил, с одной стороны, повесть «Страна Панорама», написанную, как вам, наверно, известно, незадолго до его исчезновения, и, с другой стороны, рассказ «Единый в двух лицах».

Прочитав эти вещи, я понял, что именно привлекало Сюндэя в романе Стивенсона. Возможность быть единым в двух лицах!

– Мне страшно! – воскликнула Сидзуко. – В ваших словах заключен какой-то зловеющий смысл. Давайте прекратим этот разговор. Мне страшно в этом полутемном амбаре. Обо всем этом мы сможем поговорить потом, а пока воспользуемся возможностью побыть друг с другом. Когда я с вами, мне не хочется вспоминать о Хирате.

Но я был совсем не расположен к любовным утехам и продолжал:

– И еще, размышляя обо всем этом, я обнаружил два странных совпадения. Выражаясь научным языком, одно из них – пространственное, а другое – временное. Вот карта Токио. – С этими словами я вытащил из кармана карту и разложил ее перед Сидзуко. – Со слов Хонды и шефа полицейского управления в Хисагате я знаю, что Сюндэй Оэ сменил несколько адресов. Сначала он жил в Икэбукуро, потом на улице Кикуитё в Усигомэ, затем в Нэгиси, на улице Хацусэтё в Янака, в Хигураси, на улице Суэхиротё в Канда, на улице Сакурагитё в Уэно, на улице Янагисиматё в Хондзё, наконец, на улице Сусакитё в Мукодзиме. Из всех этих мест лишь Икэбукуро и Усигомэ расположены достаточно далеко, остальные же семь, как вы можете видеть на карте, сконцентрированы в северо-восточной части города. И в этом – большой просчет Сюндэя. Почему лишь Икэбукуро и Усигомэ находятся так далеко, можно понять, приняв во внимание тот факт, что литературная слава, а вместе с ней и паломничество к нему посетителей начались только после переезда Сюндэя в район Нэгиси. До этого все дела, касающиеся его рукописей, он решал исключительно в письменной форме. Теперь давайте мысленно соединим одной линией семь последующих мест проживания Сюндэя, начиная с Нэгиси. Эта линия образует неправильной формы окружность. Определив центр этой окружности, мы получим ключ к разгадке всей тайны. Сейчас я объясню почему.

Сидзуко отпустила мою руку и порывисто обняла меня за шею.

– Мне страшно! – снова воскликнула она и стала ласкаться ко мне. Проводя пальцем у меня за ухом, она принялась сладко нашептывать, словно успокаивая раскапризничавшегося ребенка: – Мне жаль тратить драгоценное время на эти страшные сказки. Вы чувствуете, как горят мои губы, слышите, как бьется мое сердце? Обнимите меня, скорее обнимите меня.

– Подождите, осталось совсем немного. Наберитесь терпения и выслушайте меня до конца. Сегодня я пришел сюда для того, чтобы поговорить с вами. – Не обращая внимания на призывный шепот Сидзуко, я продолжал: – Теперь перейдем к совпадению во времени. Имя Сюндэя перестало появляться на страницах журнала с конца позапрошлого года, я это хорошо помню. Между тем, как вы сами мне говорили, г-н Коямада вернулся из-за границы тогда же, то есть в конце позапрошлого года. Почему два этих события так точно совпадают по времени? Случайность ли это? Как вы думаете?

Сквозь маленькое окно комнаты проглядывало свинцовое небо. С улицы донесся глухой грохот, – должно быть, прошел трамвай. В ушах у меня шумело. Эти два шума сливались в один непереносимый гул, настолько зловеющий, что казалось, будто сюда движется целое полчище дьяволов, бьющих в барабаны.

– Итак, с одной стороны, совершенно очевидно, что Сюндэй Оэ имеет непосредственное отношение к этому делу, – продолжал я. – Но с другой стороны, несмотря на все свои усилия, полиция по всей Японии в течение двух месяцев не может разыскать этого известного писателя, как будто он растаял, точно дым. Мне жутко от одной мысли, что все это происходит не в страшном сне, а наяву. Почему Сюндэй отказался от своего намерения убить Сидзуко Коямаду? Почему он прекратил писать свои угрожающие письма? Каким способом он проник в кабинет г-на Коямады? Как, наконец, ему удалось открыть запертый на ключ шкаф? В связи с этим я не могу не вспомнить одного имени. Имени писательницы Хидэко Хираямы. Многие думают, что это женщина. Даже среди писателей и журналистов немало людей, которые искренне уверены в этом. Молодые люди засыпают Хидэко любовными письмами. А между

тем Хидэко Хираяма – мужчина, и даже более того – почтенный правительственный чиновник. Все детективные писатели: и я, и Сюдэй, и эта Хидэко Хираяма – престранные существа. – Я уже потерял контроль над собой и говорил как одержимый. По лицу моему струился пот, я чувствовал на губах его неприятный солоноватый привкус. – Сидзуко-сан! Слушайте меня внимательно. Так что же находится в центре круга, образованного линией, которая соединяет между собой жилища Сюдэя? Взгляните на карту. Видите? В центре круга – ваш дом. До каждого из мест, где селился Сюдэй, десять минут езды от вашего дома. Почему Сюдэй исчез, как только г-н Коямада вернулся из-за границы? А потому, что вы лишились возможности посещать уроки чайной церемонии и возиться с цветами. Пока г-н Коямада отсутствовал, вы с полудня до вечера занимались чайной церемонией и цветами. Кто заставил меня поверить в это? Вы! Встретив меня в музее, вы потом уже вертели мною, как вам хотелось. Для вас было проще простого сделать нужную вам приписку на полях дневника вашего мужа, положить в шкаф г-на Коямады любые улики, наконец, бросить на чердаке кнопку. Вот к какому выводу я пришел. Как еще объяснить все случившееся? Ответьте мне! Ответьте же мне!

– Довольно! Слышите, довольно! – вскрикнула Сидзуко и вцепилась в меня. Прильнув щекой к моему плечу, она залилась слезами. Эти слезы обжигали меня сквозь рубашку.

– Почему вы плачете? Почему все время вы порываетесь остановить меня? Не потому ли, что для вас это вопрос жизни и смерти? Уже одно это дает мне основание подозревать вас. Но слушайте дальше. Я еще не кончил. Почему жена Сюдэя Оэ носила очки? Почему у нее были золотые коронки? Почему она приклеивала к правой щеке болеутоляющий пластырь? Почему носила стрижку на европейский манер? Вспомните «Страну Панораму» Сюдэя. В этой повести можно почерпнуть уйму сведений об искусстве камуфляжа. Здесь и изменение прически, и очки, и ватные тампоны, которые закладываются за щеки и меняют черты лица. Вспомните наконец рассказ «Медная монета», один из персонажей которого надевал на здоровые зубы золотые коронки. Боковые зубы у вас крупнее остальных, и это запоминается. Поэтому вы и надевали на них коронки. На правой щеке у вас родинка, и вы скрывали ее под болеутоляющим пластырем. А для того чтобы ваше удлиненное лицо казалось более круглым, вам оставалось всего-навсего изменить прическу. Так вы превращались в жену Сюдэя. Позавчера вас видел Хонда. Он ручается, что, если заменить вашу прическу на стрижку, надеть на вас очки и золотые коронки, вы будете вылитой женой Сюдэя. Что вы на это скажете? Не вздумайте дурачить меня, мне все предельно ясно.

Я оттолкнул от себя Сидзуко. Она упала на кровать и сквозь слезы чуть слышно произнесла:

– Хирата. Хирата.

– Хирата? Значит, вам все еще угодно дурачить меня? Вы хотите, чтобы я поверил в существование Сюдэя, коль скоро вы притворялись его женой? Нет, Сюдэй не существует и никогда не существовал. Он всего лишь плод воображения, фантазия. Для того чтобы всех сбить с толку, вы превращались в его жену и встречались с сотрудниками журналов. По этой же причине вы переезжали с места на место. Однако долго так продолжаться не могло, поэтому вы подкупили бродягу из парка Асакуса и заставили его играть роль «лежебоки» Сюдэя. Не Сюдэй превращался в странного человека в шутовском наряде, а этот бродяга перевоплощался в Сюдэя.

Сидзуко молча лежала на кровати. Издали можно было подумать, что она мертва. При взгляде на нее гнев мой остыл, и я смущенно сказал:

– Сидзуко-сан, я погорячился. Мне следовало быть более сдержанным. Но вы так настойчиво мешали мне говорить, так сбивали меня с толку своим кокетством, что я поневоле вышел из себя. Простите меня. Постарайтесь меня не перебивать, а я попытаюсь рассказать, как все было дальше. Если я буду неточен, поправьте меня, ладно?

Вы наделены редкими для женщины умом и литературным даром. Я это почувствовал уже по письмам, которые вы мне присылали. Вполне понятно, что вам захотелось попробовать себя на литературном поприще, и вы решили написать детективную повесть, взяв своим псевдонимом мужское имя. Неожиданно эта первая проба пера возымела успех. Как раз в то время, когда к вам пришла литературная слава, г-н Коямада на два года отправился за границу. Чтобы скрасить свое одиночество, а еще более из-за пристрастия ко всему необычному вы затеяли страшную игру, в которой вам надлежало исполнять сразу три роли. У вас есть рассказ «Единый в двух лицах». В реальной жизни вы пошли еще дальше, избрав для себя не две, а три ипостаси.

Под именем Итиро Хираты вы сняли квартиру в Нэгиси. Прежние ваши пристанища – в Икэбукуро и в Усигомэ, – по-видимому, предназначались только для получения корреспонденции. Под разными предлогами: нелюдимости, путешествий и так далее – вы скрывали от людей человека по имени Хирата и, переодеваясь его женой, вместо него вели переговоры даже с издателями. Когда вы писали свои произведения – вы превращались в Сюдэя Оэ, или Хирату, когда разговаривали с сотрудниками журналов или снимали очередной дом – вы становились женой Хираты, в своем же доме вы были г-жой Коямадой. Так вы играли одновременно три роли. Для того чтобы успешно справляться с ними, вы должны были каждый день надолго отлучаться из дома. Для окружающих был найден хороший предлог: занятия чайной церемонией и музыкой. Полдня вы были г-жой Коямадой, остальные полдня – г-жой Хиратой. Изменение прически, переодевание и прочее требовали значительного времени, поэтому вы не могли позволить себе тратить много времени на дорогу. Вот почему, переезжая с места на место, вы неизменно останавливали свой выбор на тех районах, до которых от вашего дома не более десяти минут езды на машине.

Я тоже своего рода охотник до всего необычного и поэтому хорошо вас понимаю. Разумеется, подобная игра требовала немалой затраты сил, но зато сулила неземное наслаждение.

Мне вспоминаются суждения одного критика. Разбирая какое-то из произведений Сюдэя, он отмечал, что оно насквозь проникнуто гнетущей подозрительностью, на которую способна только женщина. Читая книги Сюдэя, писал дальше критик, словно видишь перед собой затаившееся во мраке чудовище. Это очень точные слова.

Но вот промчались два года, и г-н Коямада вернулся в лоно семьи. Вы больше не могли играть три роли, как прежде. Вот тогда-то и исчез со сцены Сюдэй Оэ. Но поскольку он слыл человеком странным и до крайности нелюдимым, никому и в голову не пришло считать его загадочное исчезновение подозрительным.

Почему вы решились на это страшное преступление, мне, мужчине, не вполне понятно, но из книг о психических аномалиях я знаю, что склонные к истерии женщины нередко сами себе посылают угрожающие письма. И в Японии, и за рубежом тому немало примеров.

Здесь заключено, с одной стороны, желание испугать себя, а с другой – стремление вызвать сочувствие со стороны какого-нибудь другого человека. Мне кажется, что и вами руководило подобное желание. В самом деле, какое щекочущее нервы ощущение – получать угрожающие письма от известного писателя, в которого временами превращались вы сами!

Со временем стареющий муж стал все больше и больше докучать вам. Кроме того, вам не хотелось расставаться с увлекательной и привольной жизнью, к которой вы привыкли в его отсутствие. А если выразиться еще точнее, вас теперь, как написал некогда Сюдэй, неудержимо влекла сладость преступления, сладость убийства. Тут-то вам и понадобилась вымышленная фигура – исчезнувший Сюдэй. Сделав его убийцей, вы, оставаясь вне подозрения, избавились от опостылевшего вам мужа, унаследовали огромное состояние и отныне могли жить так, как вам заблагорассудится.

Но этого вам показалось недостаточно. Для полного спокойствия вы решили создать вторую линию обороны. Ваш выбор пал на меня. Зная о моем отрицательном отношении к Оэ,

вы решили отомстить и мне, превратив меня в послушную вашей воле марионетку. Слушая мою докладную записку, вы, наверное, с трудом сдерживали смех. Сбить меня с толку было нетрудно. Ведь в моем распоряжении, казалось бы, находились несомненные улики: кнопка от перчатки, дневник, журнал «Синсэйнэн», наконец, «Развлечения человека на чердаке». Однако, как вы не раз отмечали в своих произведениях, преступник всегда хоть в чем-нибудь, но допускает промах. Так и вы, завладев кнопкой от перчатки г-на Коямады, использовали ее в качестве весомой улики, но при этом не потрудились выяснить, когда именно она оторвалась. Вы даже не подозревали, что перчатки давным-давно отданы водителю такси, который возил вашего мужа. Казалось бы, такой незначительный промах! Что же касается ран на теле г-на Коямады, то я думаю, что прежние мои предположения можно считать правильными. Только г-н Коямада не сорвался с карниза. Скорее всего, трагедия произошла, когда вы остались наедине с ним в спальне (поэтому на нем и был парик) и вы каким-то образом вытолкнули его из окна.

Ну что, Сидзуко-сан, прав я или нет? Скажите же хоть что-нибудь. Если можете, возражайте мне. Сидзуко-сан!

Я сказал все, что хотел, и теперь в растерянности стоял возле кровати. Женщина, которую я еще вчера считал своей возлюбленной, сейчас предстала передо мною в своем истинном обличье. Поверженное чудовище во мраке. При взгляде на нее у меня на глаза невольно навернулись слезы. Взяв себя в руки, я сказал:

– Теперь я должен уйти. Поразмыслите хорошенько над всем, что я здесь говорил, и образумьтесь. Благодаря вам в этом месяце я открыл для себя новый, неведомый мне ранее мир любовного безумия. Мне и теперь нелегко расстаться с вами. Но оставаться после всего, что случилось, мне не позволяет совесть. Прощайте. – Я поцеловал Сидзуко и вышел вон из райской обители, в которой мы с ней провели столько счастливых дней.

Казалось, небо опустилось совсем низко над землей. Духота стала еще более невыносимой. Весь в испарине и до боли стиснув зубы, я, точно безумец, метался по улицам.

12

На следующий день в вечернем выпуске газеты я прочел сообщение о самоубийстве Сидзуко.

Она бросилась в реку со второго этажа своего дома. Видно, так уж распорядился злой рок, что труп ее был обнаружен утром одним из прохожих неподалеку от той же пристани у моста Адзумабаси.

В своем простодушии автор статьи писал: «Судя по всему, г-жа Коямада трагически погибла от руки того же преступника, который незадолго до этого убил ее мужа».

Разумеется, гибель некогда любимого мной человека опечалила меня, но в то же время я воспринял ее как лишнее доказательство вины Сидзуко, поэтому подобная развязка показалась мне оправданной. Около месяца я пребывал в полной уверенности, что так оно и есть.

Но в один прекрасный день, когда мой пыл несколько поостыл, мне в душу закралось страшное сомнение.

Ведь я так и не услышал от Сидзуко ни одного слова покаяния. Единственное, что у меня было, – это улики, которые я толковал по-своему, полагаясь лишь на здравый смысл. Мои подозрения не были доказаны с той же бесспорностью, с которой можно утверждать, что дважды два – четыре. Однажды мне уже пришлось полностью пересмотреть свое первоначальное предположение, исходя всего лишь из показаний шофера и подрядчика, производившего уборку в доме Коямады. Можно ли ручаться, что подобное не произойдет и на сей раз?

Во время моего последнего разговора с Сидзуко я меньше всего стремился выдвинуть против нее какое-либо обвинение. Наоборот, я хотел спокойно изложить ей свои соображения и выслушать ее объяснения. Но ее поведение во время этого разговора укрепило мои подозре-

ния. Я несколько раз призывал ее хоть что-нибудь ответить на мои вопросы, но она отмалчивалась, и это молчание я истолковал как свидетельство ее виновности. Но было ли это толкование единственно правильным?

Да, она покончила с собой. (Кстати, откуда известно, что это было самоубийство? А что, если это было убийство? Тогда должен существовать и убийца, а это уже страшно!) Но допустим, что это было все-таки самоубийство. Можно ли видеть в нем несомненное доказательство ее виновности? А вдруг на этот шаг ее вынудило какое-нибудь иное обстоятельство? Скажем, услышав от меня, человека, в котором она привыкла видеть свою опору, столь страшные обвинения и не сумев опровергнуть их, она (в конце концов, Сидзуко была всего лишь женщиной) поддалась минутному настроению и решила свести счеты с жизнью.

Если так, то выходит, что Сидзуко убил я. Пусть не своими руками, но все-таки я. В самом деле, что это, как не убийство?

Но это еще куда ни шло. Гораздо хуже другое. Сидзуко, несомненно, любила меня. И сейчас, после ее смерти, я не могу не задуматься о том, что должна была испытать эта женщина, когда любимый человек заподозрил ее в преступлении. Быть может, она решила покончить с собой именно потому, что любила меня и просто не сумела отвести от себя обвинений, которые я ей предъявил. Но предположим, что мои обвинения были вполне обоснованны и справедливы. Так почему все же эта женщина решилась убить мужа, с которым прожила много лет? Могли ли одни только соображения свободы и денег склонить ее на это страшное преступление? Не виновата ли в этом любовь? Любовь, объектом которой был я.

О, куда деваться мне от этих мучительных сомнений? Повинна ли Сидзуко в смерти своего мужа или нет, ясно одно – эту несчастную женщину, так неистово любившую меня, убил я. Как после этого не проклинать себя за злосчастную приверженность к справедливости? В мире нет ничего сильнее и прекраснее любви. Но я с безжалостностью черствого моралиста разбил вдребезги эту хрупкую и прекрасную любовь.

Если мои предположения верны и Сидзуко и Сюдэй Оэ действительно одно лицо, я могу до некоторой степени быть спокоен.

Но как теперь это проверить? Г-на Коямады нет в живых. Нет в живых и Сидзуко. Наверное, и Сюдэй Оэ навсегда покинул этот мир. Хонда сказал, что Сидзуко похожа на жену Сюдэя. Но одно дело слова Хонды, а другое дело – неопровержимые доказательства.

Я несколько раз заходил к следователю Итосаки, но, судя по его туманным объяснениям, никаких перспектив разыскать Сюдэя у него не было. Я попросил своего знакомого побывать в префектуре Сидзуока и навести справки об Итиро Хирате. Мои надежды, что этого человека вообще не существовало, не оправдались. Оказалось, что человек по имени Итиро Хирата в самом деле там жил, но давно уже куда-то уехал оттуда. Однако одного факта, что Итиро Хирата реально существовал и даже, возможно, был когда-то любовником Сидзуко, было мало, чтобы утверждать, что он был писателем, пользовавшимся псевдонимом Сюдэя Оэ, и что г-на Коямаду убил он. Во-первых, найти его нам не удалось, а во-вторых, Сидзуко вполне могла использовать имя своего бывшего любовника в задуманной ею игре просто потому, что оно первым пришло ей на ум. С разрешения родственников Сидзуко я осмотрел ее личные вещи – письма и другие бумаги, надеясь найти в них хоть какую-нибудь зацепку. Но и эта моя попытка не увенчалась успехом.

Сколько бы я ни корил себя за скороспелые выводы и подозрения, поздними раскаяниями делу уже помочь было нельзя. Я готов из конца в конец исходить всю Японию, да что там Японию – весь мир, только бы отыскать следы Хираты – Сюдэя, хотя и понимаю, что это бесполезно. Однако, даже если бы мне удалось найти Сюдэя и выяснить, виновен он в преступлении или, наоборот, не виновен, это лишь умножило бы мои страдания – разумеется, по-разному в каждом из этих случаев, но все равно умножило бы.

Со времени трагической кончины Сидзуко Коямады минуло полгода. Я по-прежнему ничего не знаю об Итиро Хирате. И мучительные сомнения с каждым днем все неотступнее преследуют меня.

Дьявол

Кисть руки

В то лето писатель Сёити Тономура, автор детективных романов, проводил отпуск у себя в деревне S. префектуры Нагано.

Зажатая со всех сторон горами, деревня эта кормилась с террасных полей; была она холодна, угрюма, но все же воздух ее живительно действовал на писателя.

Дни здесь были почти вполтину короче, чем на равнине: только рассеется утренний туман и засияет солнце, как уже, глядишь, опускается вечер.

Дремучие рощи вековыми деревьями, будто щупальцами, сжимали клочки ухоженной земли, и без того теснимые скалистыми зубьями гор. Безуспешны были старания усердных крестьян отвоевать для террас еще хоть немного земли.

В эту патриархальную картину совершенно не вписывалась железная дорога, громадной змеей извивавшаяся по лощинам. Восемь раз на дню проходили по ней поезда, и каждый раз, когда, задыхаясь на подъемах и изрыгая огромные клубы дыма, черный паровоз натужно тащил за собой состав, окрестности сотрясались, как при землетрясении.

Лето в горах пролетело быстро, по утрам уже явно ощущалось прохладное дыхание осени. Пора возвращаться в город. Пора расставаться с навоящими тоску горами и долами, полями-террасами, железной дорогой...

Молодой писатель брел по тропинке, мысленно прощаясь с каждым деревцем и кустиком, которые за два месяца стали ему родными. Следом шел Кокити Ооя, сын старосты, самого зажиточного человека в деревне.

– Скоро тут станет совсем тоскливо... Когда уезжаешь? – спросил Ооя.

– Завтра или послезавтра. Больше не могу задерживаться. Никто, правда, меня дома не ждет, но пора заняться делом, – ответил Тономура, бамбуковой палкой сбивая с травы росу.

Тропинка пролежала вдоль железнодорожной насыпи, прорезавшей зелень полей и черноту лесов, и тянулась к сторожке перед тоннелем на самой окраине деревни. Примерно в пяти милях отсюда на плоскогорье располагался оживленный городок, и поезда, связывавшие с ним деревню, чем дальше в горы, тем чаще ныряли в тоннели, но этот был первым.

Молодые люди частенько приходили сюда поболтать с охранником, дядюшкой Нихэем; им нравилось поозорничать – углубившись метров на десять в тоннель, поорать там в гулкой темноте.

Нихэй служил тут уже лет двадцать, помнил уйму жутких происшествий; он рассказывал об окровавленных кусках человеческих тел, которые приходилось с трудом отдирать от колес паровоза, о дергавшихся на рельсах руках и ногах, о кровавом месиве, мстительных духах погибших, с которыми не раз встречался в черноте тоннеля...

– Скажи, пожалуйста, – с некоторым смущением обратился к другу Тономура, – ты вчера вечером поздно вернулся из города?

– Поздно. А почему это тебя волнует? – Вопрос, очевидно, был Оое неприятен, и он с трудом скрыл раздражение.

– Просто до двенадцати ночи я разговаривал с твоей матушкой и видел, что она очень беспокоилась.

– Велосипеда у меня нет, а пешком идти долго, – неохотно объяснил Ооя.

Здесь необходимо сообщить читателю, что между городком и деревней курсировал всего лишь один полуразбитый автобус, шофер заканчивал работу в десять часов вечера; в самом же городе N. – да, собственно, какой это город, затерявшийся в горах маленький городишко –

было всего четыре-пять такси, и нанять машину удавалось отнюдь не всегда. А более никакого транспорта нет.

– То-то у тебя такой усталый вид. Спишь, наверное, мало.

– В общем-то, да... Хотя нет, не так уж мало... – Ооя провел рукой по лицу, действительно очень бледному, и смущенно улыбнулся.

Тономуре была понятна причина его смущения. Дело в том, что Ооя был обручен с дочерью местного богача, уважаемого человека, но свою невесту терпеть не мог. А в городок часто ездил на свидания со своей тайной пассией, о которой его матушка говорила: «Не знаю, кто она, что она, но видать сразу: без роду без племени, и распутная к тому ж».

– Не расстраивал бы ты мать, дружище, – стараясь быть поделикатнее, посоветовал Тономура.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Ооя, – сам разберусь в своих делах.

Какое-то время оба молчали, шагая по влажной от росы тропе. В просветах меж деревьями изредка мелькала насыпь. По другую сторону ее синели горы. Деревья вдоль тропинки были старые, в два обхвата, и, наверное, потому друзьям казалось, что идут они дремучим лесом.

Неожиданно шагавший впереди Тономура остановил друга:

– Стой! Здесь кто-то есть. И происходит неладное что-то. Давай возвращаться.

Даже в неверном сумеречном свете было заметно, что Тономура побледнел от испуга. Встревожился и Ооя:

– Что случилось? Кто здесь?

– Туда взгляни. – Ускоряя шаг, Тономура указал на огромное дерево метрах в десяти от них.

Ооя взглянул и обмер: из-за дерева, ощерившись, наблюдало за ними какое-то животное. Волк? Но никогда они не подходили так близко к человеческому жилью. Одичавшая собака? А с мордой у нее что? Пасть в крови, алые пятна отблескивают в коричневой шерсти, кровь капает с морды, полные злобы фосфоресцирующие глаза устремлены на людей.

– Похоже, одичавшая собака. Наверное, крота загрызла. Лучше не бежать, а то хуже будет. – Ооя быстро оправился от испуга и, прицеливаясь, осторожно приблизился к собаке. – Тьфу ты, черт, да я же ее знаю. Она тихая, часто тут бродит.

Животное тоже, будто признав Оою, неторопливо вышло из-за дерева, обнюхало следы Оои и ушло в лес.

– Столько крови от одного крота? – Тономура все еще был бледен.

– Ха-ха, ну и трус же ты! Неужели ты думаешь, что здесь бродят звери-людоеды? – Нелепость ситуации рассмешила Оою, но скоро и он понял, что тут и в самом деле происходит что-то странное.

Не успели молодые люди выбраться из чащобы на узенькую тропку, как из густой травы выскочила еще одна собака – и тоже вся в крови. Увидев людей, она резко остановилась и стремглав бросилась назад в лес.

– Ты заметил, что она другой масти? Неужто все собаки в округе только и делают, что охотятся на кротов? В величайшей степени странно... – Тономура опасливо вошел в заросли, куда только что скрылась собака, чтобы убедиться, нет ли там трупа какого-нибудь зверька. Ничего, однако, он не обнаружил. – Что-то мне здесь не нравится. Пошли-ка лучше домой.

– Пошли. Только напоследок посмотри вон туда, там тоже собака.

У самой насыпи мелькало в траве еще одно животное. Полностью его не было видно, угадывались только огромные размеры и силуэт, явно не собачий. Молодым людям стало жутковато. И было отчего.

Тропа шла через безлюдную, удаленную от селений местность. Темный лес сжимал с двух сторон эту узкую полосу земли. Холодный, острый блеск рельсов и чернеющая вдаль

дыра тоннеля дополняли этот сумрачный, безжизненный, словно в кошмаре пригрезившийся пейзаж. А тут еще какие-то призрачные собаки, шныряющие в зарослях...

– Смотри, у нее что-то в зубах. Белое, в крови.

– Вижу. Не пойму только, что это.

Тономура и Ооя остановились, напряженно вглядываясь в кусты и деревья. Собака тем временем подошла поближе, и предмет, торчавший из ее пасти, постепенно приобрел четкие очертания.

Формой он напоминал редьку. Только цвет какой-то синюшный и... Что это за редька с пятью стеблями?! Бог мой, да это рука! Кисть человеческой руки! Пальцы скрючены, будто только что в предсмертной агонии хватали воздух, локтевая кость обглодана, сухожилия болтаются красной тряпицей.

– Вот дьявол! – воскликнул Ооя, схватил камень и бросил его в собаку.

Собака-людоед взвыла и стремглав бросилась прочь. Камень, похоже, попал в цель.

Загадочный труп

– И в самом деле, рука, кажется, молодой женщины, – проговорил Ооя, рассматривая брошенную собакой добычу.

– Либо эти твари растерзали какую-то девушку, либо разрыли могилу, – рассуждал вслух Тономура.

– В последнее время молодых женщин в деревне не хоронили. Но, с другой стороны, вряд ли собаки, даже одичавшие, набросятся на живого человека. Ты прав, Сёити, тут дело нечисто. – Оое, отнюдь не робкого десятка, тоже было не по себе.

– Но, посуди сам, возможно ли, чтобы вокруг одного крота носилось столько окровавленных собак?

– Надо осмотреть местность. Раз есть рука, значит где-то поблизости должен быть труп. Пошли поищем.

Почувствовав себя сыщиками, молодые люди собрались с духом и направились в сторону, куда бежали собаки.

С каждым их шагом черная пасть тоннеля приближалась, увеличиваясь в размерах. Вот наконец и сторожка. Нихэй на своем обычном месте сидит, что-то плетет. Но что это? В траве у насыпи перед сторожкой какое-то странное шевеление. Новоиспеченные сыщики подошли поближе и глазам своим не поверили: там копошились, сладострастно вгрызаясь в жертву, еще три собаки.

Ооя бросил в них несколько камней. Те разом вскинули морды и уставились на людей дикими глазами – они явно обезумели от вкушаемой крови.

– Твари! – Тономура и Ооя обомлели от ужаса, но вскоре оправились, и в собак полетел град камней, отчего те, враждебно рыча, убежали.

Пробравшись сквозь высокую траву к злополучному месту, молодые люди увидели на мокрой земле окровавленное тело: длинные черные волосы спутаны, яркое шелковое платье, кимоно распахнуто на груди... Труп терзало по меньшей мере собак шесть, так что не удивительно, что ребра были обглоданы, внутренности вывалились наружу, вместо лица сплошное кровавое месиво с обращенными в небо вытекшими глазницами. Видеть столь жуткое зрелище Тономура и Оое доводилось впервые в жизни.

Судя по кисти руки, по уцелевшим частям тела, можно было предположить, что погибшая женщина была совершенно здоровой, возможно, несколько полноватой и что, вероятнее всего, погибла она не под колесами поезда. Оставалось заключить, что ее загрызли собаки. Однако это все-таки казалось маловероятным. Во-первых, если бы собаки набросились на жен-

щину, она, несомненно, подняла бы крик, который не мог бы не услышать в своей каморке Нихэй, а услышав, обязательно прибежал бы на помощь.

– Вероятно, собаки начали терзать уже труп, – подумав, сказал Ооя.

– И я об этом подумал. Наверняка так все и было, – ответил писатель.

– И тогда, значит...

– И значит, этому предшествовало убийство. Либо женщину отравили, либо задушили, потом бросили труп в траву в этом глухом месте.

– Вполне правдоподобная версия, – согласился Ооя.

– По одежде видно, что женщина из деревенских – возможно, из этих краев. Движение тут не особенно оживленное, люди из других мест появляются нечасто. Послушай, – обратился Тономура к другу, – попытайся припомнить, может, ты когда-нибудь видел эту женщину? Не из твоей ли деревни она?

– Как тут вспомнишь, ведь вместо лица сплошное месиво.

– А кимоно? Или пояс?

– Нет, ничего похожего не помню. Я вообще не обращаю внимания на одежду.

– Попробуем тогда порасспросить дядю Нихэя. Он и не подозревает о том, что происходит совсем рядом.

Они подбежали к сторожке, вызвали Нихэя и втроем вернулись к трупу.

– Ох-ох-ох, страсти какие! – Старик забормотал молитву.

– До того как собаки принялись за тело этой несчастной, кто-то убил ее и не придумал ничего лучше, как бросить труп здесь. Может быть, ты, дядя Нихэй, что-нибудь знаешь? – спросил Тономура.

– Нет, – покачал головой Нихэй, – ничего не знаю. Коли б знал, не дал бы собакам так измываться. Слышь, господин, я думаю, в прошлую ночь все это случилось. А знаешь, почему я так думаю? Вчера еще ходил я тут много, потерял кое-что и долго искал, как раз в месте этом самом. Ежели б на труп набрел, заметил бы непременно. Так что появился он тут не иначе как в эту темную ночь.

– Что ж, может быть. Хотя и безлюдно здесь, такую свору копошащихся целый день собак невозможно не заметить. Послушай, дядя Нихэй, а это кимоно ты не припомнишь? Думаю, деревенская девушка была в нем.

– Дак в деревне такие нежные одежды и носят-то девушек пять, не боле. А не поспрашивать ли мою О-Хану? Она девица молодая, следит небось, какие у подруг наряды. Эй, О-Хана! – позвал старик дочь.

– Что, отец? – Девушка прибежала, но, увидев труп, рванулась прочь.

Отец остановил ее.

Боязливо взглянув на подол кимоно, О-Хана сразу определила:

– Ой, это же Цуруко Ямакита! Такой рисунок только на ее кимоно, ни у кого больше в деревне такого нет.

При этих словах Кокити Ооя переменялся в лице. И было отчего. Цуруко Ямакита – та самая девушка, с которой он был помолвлен еще в детстве. Недавно зашла речь о свадьбе, вокруг этого события разгорелись страсти – и вдруг такая странная, жестокая смерть. Да, Оое было от чего побелеть.

– Ты говоришь-то верно? Хорошенько подумай сначала, потом уж говори, – сказал Нихэй.

Девушка осмелела и принялась внимательно осматривать труп.

– Да точно, это точно Цуруко. И пояс ее я помню. И заколка с камешком ее, ни у кого больше такой нет, – настойчиво утверждала О-Хана.

Алиби

Как только стало известно, что О-Хана опознала труп дочери здешнего богача Ямакиты, все кругом забурило: в дом покойной понеслись посыльные, на работу к хозяину покатались велосипеды, телефон в полиции трезвонил не умолкая, люди с озабоченными лицами выходили из дома Ямакиты и нескончаемой чередой тянулись к сторожке, в деревню прибыла набитая полицейскими патрульная машина.

Был произведен тщательный осмотр места происшествия, труп отправили в больницу города N. на вскрытие, в деревенской школе группе расследования выделили специальное помещение (исключительный случай!). Прежде всего туда пригласили родителей Цуруко, слуг семьи Ямакита, затем обнаруживших труп Оою и Тономуру, а также Нихэя с дочерью.

Немало времени ушло на расследование, но, кроме письма, представленного матерью пострадавшей, не обнаружили ничего, что пролило бы свет на происшедшее.

Протягивая полицейским конверт, мать несчастной Цуруко объясняла:

– У дочери в столе я нашла вот этот конверт, он лежал в бумагах на самом верху – не иначе дочь получила его перед последним уходом из дома. Записка от какого-то мужчины, просьба встретиться.

– Судя по всему, записка была доставлена через посыльного. Вы не спрашивали у слуг, кто принес ее? – мягко спросил у г-жи Ямакиты прокурор Куниэда.

– Пыталась выяснить, но, странное дело, никто ничего не знает. Может быть, дочь сама вышла за запиской к воротам?

– Н-да, возможно, возможно... Ну а относительно того, кто написал ее, у вас есть какие-нибудь догадки?

– Нет... Не мне об этом говорить, но никогда дочь не позволяла себе таких неприличных поступков. Но, видно, хитро она была составлена, и девочка поддалась уговорам...

Незатейливая записка гласила:

Сегодня в 7 часов вечера жду Вас у каменного фонаря во дворе храма. Приходите непременно. О встрече никому ни слова. Дело очень, чрезвычайно важное.

К.

– Почерк вам не знаком?

– Нет, совершенно не знаком.

– Я слышал, Цуруко-сан была помолвлена с Кокити, сыном старосты, господина Оои. Это так? – как бы ненароком поинтересовался Куниэда. Он обратил внимание на то, что подпись в записке совпадает с первой буквой имени Кокити, и, кроме того, вполне логична была бы реакция Цуруко на подобную просьбу жениха.

– Мы тоже сразу подумали, не от Кокити ли эта записка, и спросили его. Он ответил, что не мог ее написать, поскольку был в это время в городе N. «И потом, – сказал он, – вы же знаете, у меня почерк гораздо лучше. Кроме того, если бы мне понадобилось срочно увидеться с Цуруко-сан, я не стал бы вызывать ее запиской, а просто пришел бы в гости». Господин прокурор, может быть, это какой-нибудь негодяй, прикрываясь его именем, выманил Цуруко из дома?

Разговор с матерью пострадавшей ничего более не дал. Но прокурору представлялось необходимым еще раз побеседовать с самим Кокити. Того же мнения были коллеги, и в первую очередь начальник полицейского участка. Кокити Оою вызвали, показали записку и пересказали разговор с матерью Цуруко.

– Вы утверждаете, что вчера вечером ездили в город N.? Это, конечно, алиби. Вы были у кого-нибудь в гостях? Спрашиваем не потому, что подозреваем вас. Как видите, происшествие

чрезвычайное, и мы вынуждены все досконально проверить, допросить всех сколько-нибудь причастных.

– Был ли в гостях? Да нет, я, вообще-то, специально никуда не ходил, ни с кем не встречался... – Чувствовалось, ответы даются Оое нелегко.

– Должно быть, ездили за покупками? В таком случае, наверное, помните магазин, хозяйина?

– Нет, покупок тоже не делал. Просто... захотелось прогуляться, и я... немного побродил по центру города... А покупки... Ну, вот по дороге купил в табачной лавке пачку сигарет. Пожалуй, и все...

– Хм, не много для алиби... – Некоторое время Куниэда недоверчиво глядел на юношу, молча размышляя. Потом бодро сказал: – Ладно. Покупки оставим в покое. Подойдем с другой стороны. До города и обратно вы ведь на чем-то добирались? Возможно, водитель запомнил вас. Будем вызывать на беседу.

На лице Кокити проступила растерянность, он побледнел и от волнения утратил дар речи.

В уголках губ прокурора промелькнула усмешка; сверлящим взглядом он внимательно смотрел на Кокити.

Наконец Ооя не выдержал.

– Это произошло случайно... кошмарная случайность, – забормотал он и просительно, словно ища защиты, посмотрел на полицейских, стоявших позади Куниэды. Среди присутствовавших был и его друг – автор детективных историй Сёити Тономура, лицо которого выражало в этот момент величайшую досаду.

Как оказался здесь, вместе со следственной группой Сёити Тономура? Да все очень просто: некогда Тономура учился вместе с прокурором Куниэдой, они до сих пор переписываются. Но, дабы не увести читателей в сторону от главного, не будем подробно говорить о прошлом, связывающем этих людей, скажем лишь, что прокурор и писатель были закадычными друзьями.

Куниэда полагал полезным участие Тономуры в расследовании, и для писателя присутствовать при раскрытии преступления было чрезвычайно интересно. Прокурор Куниэда сначала допросил Тономуру как свидетеля происшествия, затем, при молчаливом согласии группы детективов, позволил остаться наблюдать за ходом расследования.

И сейчас, видя, как Кокити Ооя переменился в лице, услышав, что он пробормотал в ответ, Тономура почувствовал острую досаду. Хотя и хорошо представлял себе всю сложность положения Оои. Конечно же, тот ездил вчера вечером в N. к своей тайной возлюбленной и, желая утаить этот факт, принес в жертву собственное алиби.

– Неужели вы не воспользовались автобусом? – ехидно переспросил Куниэда, не вполне веря перепуганному Оое.

– Я и в самом деле не ездил на автобусе, – с трудом проговорил тот и почему-то покраснел.

Внезапный прилив крови к бледному как полотно лицу не остался незамеченным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.